

Генеральъ Н. Н. ГОЛОВИНЪ

СУВОРОВЪ

и его

„НАУКА ПОБЪЖДАТЬ“

Генералъ Н. Н. ГОЛОВИНЪ

СУВОРОВЪ

и его

„НАУКА ПОБЪЖДАТЬ“

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris - IX-ème
1931

*Посвящается
Русской Молодежи*

Генералиссимусъ Князь Италийскій Графъ Суворовъ
Рымникскій.

О Ч Е Р К Ъ 1-ый.

ЖИТІЕ СУВОРОВА

13 ноября (по ст. ст.) 1730 года, у одного изъ оберъ-офицеровъ Л.-Гв. Семеновскаго полка родился сынъ.

Ребенокъ былъ малъ, тощъ, хиль, дурно сложенъ, некрасивъ.

Отецъ считалъ, что его сыну военная дорога закрыта и хотѣлъ готовить его къ службѣ гражданской, быть можетъ, дипломатической. Но призваніе ребенка было совсѣмъ другое. Любознательный и обладавшій необычайными способностями, мальчикъ со страстью предавался чтенію военныхъ книгъ. Онъ проявлялъ въ своемъ стремленіи такую настойчивость, что отецъ сдалъ и, когда мальчику исполнилось 12 лѣтъ, записалъ его въ Л. Гв. Семеновскій полкъ.

Съ еще большимъ рвеніемъ сталъ мальчикъ работать надъ своимъ военнымъ самообразованіемъ. Отецъ помогаль ему, преподавая артил-

глазахъ двигались главные рычаги войны, при этомъ войны веденной на противной сторонѣ геніальнымъ Прусскимъ королемъ Фридрихомъ II-мъ. Эта прикладная наука облегчалась Суворову тѣмъ довѣріемъ, которымъ онъ пользовался у графа Фермора. Почти 30 лѣтъ спустя, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Потемкину, Суворовъ пишетъ: «У меня было два отца — Суворовъ и Ферморъ».

Въ самомъ концѣ войны Суворовъ временно командуетъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ. По окончаніи же войны назначается командиромъ Астраханскаго пѣх. полка и вскорѣ затѣмъ (6 апрѣля 1763 года) — командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Новой Ладогѣ.

Суворовъ командуетъ Суздальцами семь лѣтъ. За это время о Суворовѣ сохранились очень скудныя свѣдѣнія; главное изъ нихъ заключается въ его письмѣ (отъ 27 января 1764 года) къ знакомой дамѣ. Изъ этого письма видно, что Суворовъ не отличался тогда хорошимъ здоровьемъ, былъ очень худъ и, по его словамъ, уподоблялся «настоящему скелету», «лишенному стойла ослу», «бродячей воздушной тѣни».

Командуя Суздальскимъ полкомъ, Суворовъ используетъ боевую школу Семилѣтней войны и вырабатываетъ своеобразную систему воспитанія и обученія войскъ, въ которой философскій взглядъ на военное дѣло проходить рука объ ру-

ку съ глубокимъ пониманіемъ военной психоло-
гїи и съ замѣчательнымъ знаніемъ реальностей
боя.

Творческая работа Суворова въ области воен-
наго воспитанія войскъ продолжается всю его
жизнь. Она непрерывна, такъ же какъ непрерыв-
на и его работа надъ самимъ собой. Въ конечномъ
видѣ Суворовская система воспитанія и обуче-
нія войскъ выливается въ ставшую знаменитой
«Науку побѣждать».

Но впервые эта система оформливается во
время его командованія Суздальскимъ пѣх.
полкомъ. Этотъ первый абрисъ нашель свое
письменное отраженіе въ произведеніи, назван-
номъ имъ «Суздальскимъ учрежденіемъ». При
свойственной намъ нелюбви къ долгой, система-
тической работѣ и стремленіи сдѣлать все сра-
зу, «надрывомъ», на эту замѣчательную Суво-
ровскую работу не было сразу же обращено
должнаго вниманія; «Суздальское учрежденіе»
до насъ и не дошло.

Только въ 1771 году, т. е. когда ему было
41 годъ, начинается боевая карьера Суворова на
самостоятельныхъ командныхъ должностяхъ.

Поздновато по условіямъ того времени.

Но долгая, упорная подготовительная ра-
бота, продѣланная Суворовымъ, сказалась. Его
звѣзда горитъ все ярче и ярче. Въ войнахъ съ

турками и поляками, онъ идетъ отъ одной побѣды къ другой.

Во время борьбы съ польскими конфедератами, командуя войсками Люблинскаго участка (1771-72 г. г.), Суворовъ сразу же проявляетъ замѣчательный стратегическій и тактическій глазомѣръ; не менѣе замѣчательны быстрота и энергія, съ которыми онъ переливаетъ принятое имъ рѣшеніе въ жизнь. Онъ бьетъ на голову подъ Ландскроной Дюмурье. (Это «произошло отъ хитрыхъ маневровъ французскою запутанностью, которою мы пользовались», пишетъ Суворовъ), а у Столовичей бьетъ Огинскаго («я имѣлъ храбрыхъ офицеровъ, привыкшихъ часто сражаться вблизи», объясняетъ въ своей автобіографіи Суворовъ). Въ этихъ двухъ бояхъ были уничтожены два главныхъ очага конфедерации.

Въ 1773 году онъ назначенъ въ армію Румянцева, дѣйствующую противъ турокъ. Здѣсь онъ съ боемъ переправляется черезъ Дунай у Туртукая. «Слава Богу, слава Вамъ, Туртукай взять и я тамъ», донесъ Суворовъ Румянцеву о результатѣ труднѣйшей операціи, представляющей собою образецъ наступательной переправы черезъ большую рѣку. Въ слѣдующемъ году у Гирсова и Козлуджи онъ наноситъ туркамъ рѣшительныя пораженія, которыя главнымъ образомъ и приводятъ къ Кучукъ-Кайнарджійскому миру. Самъ Румянцевъ такъ оцѣ-

нивалъ дѣйствія Суворова у Гирсова: «За побѣду, въ которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подъемъ ввѣренныхъ Вамъ полковъ, воздайте благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семь дѣлъ».

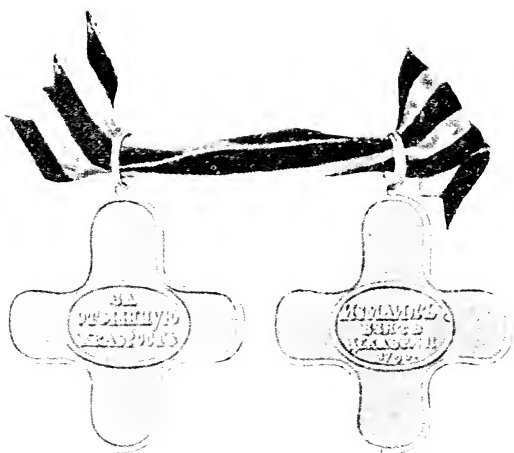
Въ Русско-Австро-Турецкую войну 1787-90 г. г. Суворовъ сначала (1787) командуетъ Кинбургскимъ корпусомъ. Про его успѣхъ здѣсь Императрица Екатерина пишетъ: «Побѣда совершенная, но жаль, что старика ранили». Въ 1789 году, начальствуя дивизіей въ Молдавской арміи Рѣпина, онъ совмѣстно съ принцемъ Кобургскимъ бьетъ турокъ подъ Фокшанами. «Рѣчка Путна отъ дождей широка, пишетъ въ своемъ первомъ донесеніи Суворовъ, турокъ 5-6 тысячъ спорили, мы ее перешли, при Фокшанахъ разбили непріятеля; на возвратномъ пути въ монастырѣ засѣли 50 турокъ съ байракторомъ; я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками и они сдались».

Черезъ полтора мѣсяца послѣ Фокшанъ, Суворовъ громитъ турокъ подъ Рымникомъ. «По жестокомъ сраженіи, доносить онъ, чрезъ цѣлый день, союзными войсками побить визирь; 5000 на мѣстѣ, нѣсколько сотъ плѣнныхъ, взять обозъ, множество военной амуниціи, счетныхъ 48 пушекъ и мортиръ; нашъ уронъ малъ, варвары были вчетверо сильнѣе».

Потемкинъ, бывшій Главнокомандующимъ, донося Императрицѣ Екатеринѣ объ этой новой побѣдѣ Суворова, пишетъ: «Ей, Матушка, онъ заслуживаетъ Вашу милость, и дѣло важное: я думаю, что бы ему, но не придумаю. Петръ Великій графами за ничто жаловалъ; какъ бы его да съ придаткомъ Рымникскій». Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ Государынѣ наградить побѣдителя еще Георгіемъ 1 класса. Екатерина пожаловала Суворова графомъ съ прозваніемъ Рымникскаго, назначила ему орденъ Георгія 1 степени, брильянтовый эполетъ и шпагу, пояснивъ въ письмѣ Потемкину: «Хотя цѣлая телѣга съ брильянтами уже накладена, однако, кавалерію Егорья большого креста посылаю по твоей просьбѣ, онъ того достоинъ... осыпавъ его алмазами, думаю, что казистѣе будетъ».

Наконецъ, въ 1790 году, Суворовъ беретъ штурмомъ крѣпость Измаиль. Овладѣніе открытой силой этой первоклассной турецкой крѣпостью поразило всѣхъ современниковъ. «Нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны, какъ Измаиль, падшій передъ Высочайшимъ трономъ Ея Императорскаго Величества кровопролитнымъ штурмомъ», доносилъ Суворовъ.

Овладѣніе Измаиломъ представляло собой высокій образецъ военнаго искусства. Смѣлость рѣшенія Суворова сочетается съ необычайной продуманностью подготовки; проявленная же войсками доблесть сдѣлала невозможное воз-

Сфицерській крестъ за взятіе Измаила въ 1790 г.

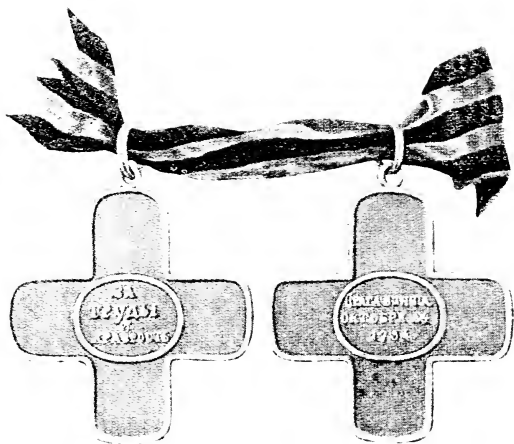
можнымъ. Высоко оцѣнивала эту побѣду и сама Екатерина II-ая. Въ рескриптѣ къ Потемкину отъ 3 января 1791 года, она пишетъ, еще не зная подробностей: «Измаильская эскалада города и крѣпости съ корпусомъ, въ половину противу турецкаго гарнизона, въ ономъ находящимся, почитается за дѣло едва ли гдѣ въ исторіи находящееся и честь приносить неустрашимому Россійскому воинству...» Въ письмѣ же своемъ (отъ 6 февраля 1791 года,) къ одному изъ своихъ дипломатическихъ представителей Циммерману, Екатерина II выражается такъ: «Г-нъ Циммерманъ. Я вижу изъ Вашего письма отъ 28 января, что взятіе Измаила произвело на васъ такое же впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ остальныхъ... Въ военной исторіи до сихъ поръ не было примѣра, чтобы восемнадцать тысячъ человѣкъ, безъ открытой траншеи или бреши, взяли бы приступомъ крѣпость, которую энергично защищало въ продолженіи четырнадцати часовъ тридцатитысячное войско, засѣвшее въ ней. Я отъ души желаю вмѣстѣ съ Вами, чтобы это достопамятное событіе содѣйствовало заключенію мира, и безъ сомнѣнія оно само по себѣ могло бы повліять въ этомъ смыслѣ на турокъ, которымъ миръ со дня на день дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ».

Въ 1794 году, Суворовъ, былъ призванъ для дѣйствій противъ поляковъ, возставшихъ подъ начальствомъ Косцюшки. Сдѣлавъ замѣ-

чательный по быстротѣ маршь-маневръ, Суворовъ бьетъ поляковъ подъ Кобринымъ, Купчинцами и Брестомъ, и у Кобылки. О побѣдѣ подъ Купчинцами и Брестомъ Главнокомандующій Румянцевъ выразился, что она «столь важна по существу, столь рѣдка въ своемъ родѣ, и подтверждаетъ истину, что большое искусство, горячая ревность предводителя и подражанія достойный примѣръ въ подчиненныхъ, — преодолеваютъ всѣ въ воображеніи возможные труды и упорности». Про бой же у Кобылки самъ Суворовъ говорилъ впоследствии одному французскому эмигранту (Дюбокажу): «Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты увидѣлъ бы, чего я самъ никогда не видалъ».

Двинувшись послѣ этихъ побѣдъ къ Варшавѣ, Суворовъ беретъ затѣмъ штурмомъ Прагу, укрѣпленное предмѣстье Варшавы на восточномъ берегу р. Вислы. Этотъ штурмъ представляетъ собою высокій образецъ военнаго искусства. Самъ Суворовъ указываетъ, что «дѣло сіе подобно Измаильскому».

Вскорѣ послѣ взятія Праги русскія войска заняли Варшаву. Фельдмаршалскій жезлъ былъ наградою доблестному вождю. «Вы знаете», писала ему Екатерина II, «что я безъ очереди не произвожу въ чины. Не могу обидѣть старшаго, но Вы сами произвели себя въ фельдмаршалы...»

Офицерскій крестъ за взятіе Праги.

Вотъ тѣ ступени, по которымъ восходитъ къ своей славѣ Суворовъ графъ Рымникскій. Его имя становится въ первомъ ряду среди орловъ побѣдоносной Екатериненской арміи.

Великая Императрица собирается выступить въ рядахъ коалиціи противъ французской революціи. Для сего «составляется армія для отправки за границу подъ начальствомъ Суворова, численностью въ 51.000 человекъ...» Суворовъ по осмотрѣ этихъ войскъ, въ заключеніи своего доклада пишетъ: «Карманьольцы по знатнымъ ихъ успѣхамъ могутъ простирать свой шагъ на Вислу. Всемилостивѣйшая Государыня, я готовъ съ побѣдоносными войсками Вашего Императорскаго Величества ихъ предварить».

Въ ноябрѣ 1796 года, Екатерина Великая скончалась и вступившій на престолъ Императоръ Павелъ отмѣнилъ отправку войскъ за границу.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ оказался въ опалѣ. На разводѣ 6 февраля 1797 года, былъ отданъ Высочайшій Приказъ: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесся Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Въ отставку Суворовъ былъ уволенъ «безъ мундира» и сосланъ въ свое имѣніе Кончанское (Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи), подъ присмотръ полиціи, причемъ ему даже

не позволялось ѣздить къ сосѣдямъ и принимать кого-либо у себя.

И вотъ въ этихъ морально исключительно тяжелыхъ условіяхъ, величіе духа Суворова выявляется чрезвычайно ярко.

Казалось бы, что этому попавшему въ немилость, запертому въ лѣсной глуши, 67-лѣтнему старику нечего больше ждать.

Надъ всей его прежней дѣятельностью ставился крестъ.

И все-таки его могучій духъ не сдается.

Суворовъ продолжаетъ работать надъ своимъ самообразованіемъ.

Онъ видитъ то, чего не видитъ большинство его соратниковъ, — онъ видитъ новую эру въ военномъ искусствѣ. Онъ изучаетъ итальянскую кампанію восходящаго свѣтила этой новой эры — молодого генерала Бонапарта. Онъ пользуется для этого изученія своимъ знаніемъ языковъ *) и читаетъ, съ десятокъ журналовъ, выписываемыхъ имъ. Въ саду Кончанскаго онъ строитъ свѣтелку, гдѣ сидитъ надъ картами и учится...

Конечно и у Великаго Суворова были минуты отчаянія. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ въ декабрь 1789 года, онъ послалъ Императору Павлу I, прошеніе о разрѣшеніи ему уйти въ мона-

*) Суворовъ зналъ слѣдующіе языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій, польскій, финскій, турецкій.

Сѣтелка фельдмаршала Суворова въ селѣ Кончан-
скомъ на холмѣ Дубихѣ.

стырь и постричься въ монахи. «Ваше Императорское Величество, пишетъ Суворовъ въ своемъ прошеніи, всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности мои прости, милосердный Государь». Подъ прошеніемъ была подпись «всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ Александръ».

Отвѣта не послѣдовало.

Судьба готовила Суворову иной конецъ жизни.

6 февраля 1799 года въ село Кончанское прискакалъ изъ Санктъ-Петербурга флигель-адъютантъ Толбукинъ. Онъ вручилъ Суворову собственное письмо Императора Павла: «Графъ Александръ Васильевичъ. Теперь намъ не время рассчитывать. Виноватаго Богъ простить. Римскій Императоръ требуетъ Васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ Вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а Ваше спасти ихъ. Поспѣшайте приѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствія Васъ видѣть. Пребываю Вамъ благожелательнымъ Павелъ».

Суворовъ оказался готовымъ къ этой трудной задачѣ.

До сихъ поръ Суворовъ, какъ полководецъ, воевалъ только съ малокультурными турками

или съ плохо организованными поляками.

Въ Италіи же, въ 1799 году, онъ выходитъ на арену Европейской войны и борется съ французской арміей, шедшей отъ одной побѣды къ другой, производя полный переворотъ въ прежнихъ методахъ веденія войны. Во главѣ этой арміи стояли лучшіе французскіе генералы: Моро, Макдональдъ, Жуберъ. Самъ Суворовъ одинъ разъ высказалъ: «Моро понимаетъ меня старика, и я радуюсь, что имѣю дѣло съ умнымъ полководцемъ». Кампанія 1799 года выдвигаетъ Суворова изъ сонма русскихъ полководцевъ въ число міровыхъ свѣтилъ.

На р. Аддѣ онъ наноситъ французамъ первое пораженіе. Извѣстіе объ этой побѣдѣ вызвало восторгъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. «Дай Богъ Вамъ здоровья», пишетъ Суворову Императоръ Павелъ, «о многолѣтїи Вашемъ опять вчера молились въ церкви, причемъ были и всѣ иностранные министры. Сына Вашего взялъ я къ себѣ въ генераль-адъютанты со старшинствомъ и съ оставленіемъ при Васъ; мнѣ показалось, что сыну Вашему и ученику неприлично быть въ придворной службѣ...»

На р. Треббїи Суворовъ разбиваетъ на голову Макдональда, будущаго маршала Наполеона. Взрывъ энтузіазма въ Петроградѣ и Вѣнѣ еще большій. «Поздравляю Васъ Вашими же словами — пишетъ Императоръ Павелъ — Слава Богу, слава Вамъ... Портретъ мой на груди

Вашей да изъявить всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, — имъ же прославляется Царствованіе Наше...».

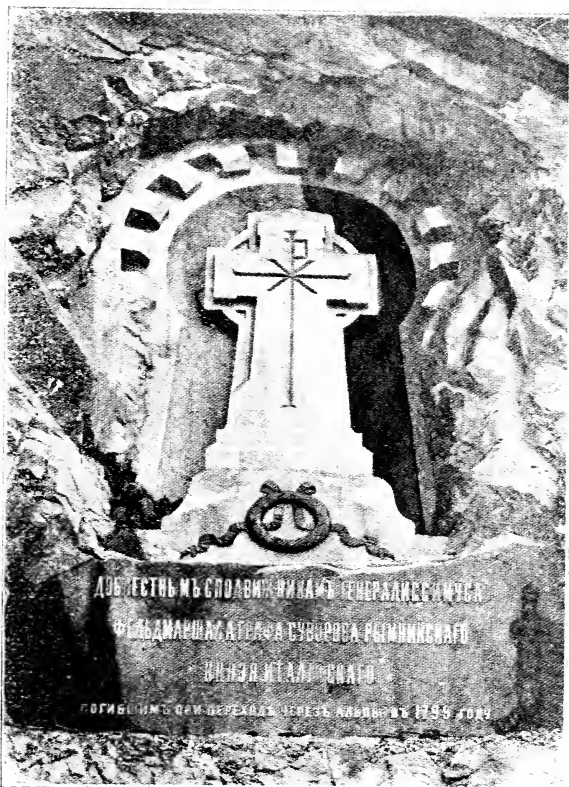
Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣды Суворова на Треббії явилась сдача крѣпости Мантуи, считавшейся въ понятіяхъ того времени ключемъ обладанія Ломбардіей. Императоръ Павелъ ознаменовалъ это возведеніемъ Суворова въ княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго. «Примите воздаяніе за славные подвиги Ваши», говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 6 августа 1799 года, «да пребудетъ память ихъ въ потомкахъ Вашихъ къ чести и славѣ Россіи».

У Нови Суворовъ наноситъ новое рѣшительное пораженіе французамъ. Во главѣ разгромленной арміи находится одинъ изъ самыхъ талантливыхъ революціонныхъ генераловъ — Жуберъ, на котораго парижское правительство возлагало всѣ надежды на выправленіе катастрофическаго положенія, создавагося для французовъ на итальянскомъ фронтѣ. Въ отношеніи руководства боевыми дѣйствіями войскъ, сраженіе у Нови замѣчательно тѣмъ, что Суворовъ построилъ его на примѣненіи тѣхъ новыхъ тактическихъ идей, которыя родились въ эпоху революціонныхъ войнъ. Эти идеи были настолько еще непонятны для армій старой эпохи, что самъ Суворовъ написалъ про Нови: «Охъ, и будутъ ругать меня тактики». Императоръ Па-

вель прислалъ Суворову рескриптъ, въ которомъ говорилось, что онъ не знаетъ чѣмъ наградить Главнокомандующаго, который «поставилъ себя выше награжденій». Однако, Императоръ Павелъ придумалъ награду: послѣдовалъ приказъ, чтобы Гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи Государя, отдавали Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только Особѣ Императора. «Достойному достойное», заключалъ Павелъ 1-ый свой рескриптъ.

Но побѣдоносное завершеніе Итальянской Кампаніи 1799 года, приведшее къ изгнанію французовъ изъ Ломбардіи, возбудило страхъ Австрійскаго правительства передъ тѣмъ, что русскіе будутъ мѣшать возвращенію ихъ прежней политики угнетенія Итальянскаго народа. Надо сказать, что и самъ Суворовъ не щадилъ самолюбія австрійцевъ и говорилъ имъ такія слова, которыя не могли не заставить австрійцевъ желать распротиться съ прямымъ и рѣзкимъ Главнокомандующимъ. Такъ, однажды, послѣ обѣда, очевидно разсерженный австрійской политикой въ освобожденной имъ Сѣверной Италіи, онъ простился съ гостями слѣдующими словами:

«Господа, будьте увѣрены, что ни англійскія деньги, ни русскіе штыки, ни кавалерія и тактика австрійцевъ, ни Суворовъ, не возстановятъ порядка и не одержатъ такихъ побѣдъ, которыя бы привели къ желаемому результату. Этого въ состояніи достигнуть лишь политика

Памятникъ сподвижникамъ Суворова въ Швейцаріи,
у Чортова моста.

справедливая, безкорыстная, прямодушная и честная. Только такимъ путемъ можно всего добиться... Прощайте, господа».

Желаніе австрійскаго двора убрать во что-бы то ни стало русскихъ изъ Италіи приводить къ Швейцарскому походу. Суворовъ долженъ перевалить черезъ Альпы на соединеніе съ войсками Римскаго-Корсакова у Цюриха. Но пока «чудный» старикъ ведетъ своихъ «чудо-богатырей» черезъ Сень-Готардь и Чортовъ Мостъ, побѣждая не только непріятеля, но и саму природу, Римскій Корсаковъ, атакованный Массеной у Цюриха, отступилъ, оставивъ армію Суворова въ одиночествѣ, запертой въ горахъ. Пораженіе это произошло потому, что Австрійцы подъ начальствомъ эрцгерцога Карла оставили Русскихъ до прибытія Суворова. «Корсаковъ ушелъ, говоритъ Суворовъ, хотя ни онъ мнѣ, ни я ему не сказали ни слова. Онъ болѣе несчастливъ, чѣмъ виновенъ; 50.000 австрійцевъ шагу не сдѣлали, чтобы его поддержать. Они хотѣли его погубить, они думали погубить и меня... скажите эрцгерцогу, что онъ отвѣтитъ передъ Богомъ за кровь, пролитую подъ Цюрихомъ».

Когда въ Петербургѣ были получены извѣстія о пораженіи Римскаго-Корсакова подъ Цюрихомъ, все русское общество взволновалось за судьбу Суворовской арміи. «Дѣла въ Швейцаріи худы», читаемъ мы въ одномъ изъ пи-

семь Ростопчина, «...мы въ мучительной тревогѣ, отъ Суворова никакихъ вѣстей...». Самъ Императоръ Павелъ пишетъ Суворову: «Вы должны были спасти царей, теперь спасите русскихъ воиновъ и честь Вашего Государя». «Главное — возвращеніе въ Россію...» говорится въ другомъ рескриптѣ.

Геніальный Суворовъ остается **непобѣдимымъ**. Постребовавъ новыя чудеса отъ своихъ «чудо-богатырей» въ Мутенталѣ, Кленталѣ, на Рингенкопфѣ, онъ *побѣдоносно* выводитъ свою армію изъ катастрофическаго положенія.

Швейцарскій походъ Суворова представляетъ собой непревзойденный во всей міровой военной исторіи примѣръ того, изъ какого совершенно безнадежнаго стратегическаго положенія можетъ выйти доблестная армія, предводимая полководцемъ съ непоколебимымъ духомъ.

Самъ Массена неудачно пытавшійся запереть Суворова въ той горной ловушкѣ, въ которую онъ и попалъ, говорилъ въ послѣдствіи, будучи однимъ изъ лучшихъ маршаловъ Наполеона, что онъ отдалъ бы всѣ свои походы за одинъ Суворовскій Швейцарскій...

Впрочемъ это не помѣшало составителямъ наиболѣе распространеннаго французскаго энциклопедическаго словаря «Larousse» повторить, въ изданіи 1923 года *), слѣдующую смѣхотвор-

*) Larousse Universel (nouveau dictionnaire encyclopedique). Изд. 1923 г. т. II, стр. 982.

ную біографію Суворова: вотъ ея точный переводъ:

«Суваровъ или Суворовъ (Александръ) русскій генераль, род. въ Москвѣ, ум. въ Петербургѣ (1729-1800 г. г.). Подавилъ польское возстаніе 1794 г., боролся противъ революціонныхъ армій въ Италіи и былъ разбитъ Массеной у Цюриха. Генераль искусный, но безчеловѣчный и недобросовѣстный. Онъ извѣстенъ своимъ афоризмомъ: Пуля сумасшедшая, а штыкъ знаетъ, что дѣлаеть».

Въ 20 числа октября 1799 года, въ Петербургѣ были, наконецъ, получены извѣстія о Швейцарской кампаніи и объ ея исходѣ. «Да спасеть Васъ Господь Богъ за спасеніе славы Госуцаря и Русскаго Войска», писалъ Ростопчинъ Суворову, «до единого всѣ награждены, унтеръ офицеры всѣ произведены въ офицеры...». Императоръ Павелъ писалъ: «побѣждая всюду и во всю жизнь Вашу враговъ отечества, недоставало Вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу; но Вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ...». 28 октября Государь пожаловалъ Суворову званіе Генералиссимуса, сказавъ при этомъ Ростопчину, что другому этой награды было бы много, а Суворову мало. Онъ повелѣлъ Военной Коллегіи вести съ нимъ переписку не указами, а сообщеніями. Спустя нѣсколько дней приказано было проектировать статую Генералиссимуса; когда проектъ былъ представлень, то

Павель I утвердилъ его и повелѣлъ приступить къ работамъ *).

6 мая 1800 года, Суворовъ скончался. Его послѣднія слова были:

«Долго я гонялся за славой. Все суета. Покой души у престола Всевышняго».

Незадолго до своей смерти онъ сказалъ художнику Миллеру, присланному курфюрстомъ Саксонскимъ для написанія портрета Генералиссимуса для Дрезденской галлерей:

«Ваша кисть изобразить черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человекъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать Вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго, въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моей рукой ни одного насѣкомаго;— бывалъ малъ, бывалъ великъ».

Еще болѣе полную характеристику самому себѣ далъ Суворовъ въ письмѣ своемъ, написанномъ изъ Варшавы (28 декабря 1794 года) и посланномъ подполковнику графу Фабриціану, выразившему намѣреніе описать жизнь великаго полководца и обратившемуся къ Суворову за матеріалами для своего труда:

*) Памятникъ этотъ былъ открытъ Императоромъ Александромъ I, въ маѣ 1801 года. Первоначально онъ былъ поставленъ на Марсовомъ полѣ; потомъ онъ былъ перенесенъ ближе къ Невѣ.

«Матеріалы, касающіеся исторіи моей военной дѣятельности, такъ тѣсно связаны съ исторіей моей жизни вообще, что оригинальный человекъ и оригинальный воинъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, если образъ того или другого долженъ сохранить свой дѣйствительный отпечатокъ».

«Почитая и любя Бога искренне и нелицемерно, и въ Немъ моихъ братьевъ-людей, не поддаваясь никогда обольстительному пѣнію сирень невоздержной и праздной жизни, я всегда былъ бережливъ и трудолюбивъ съ драгоцѣннѣйшимъ на землѣ сокровищемъ, съ временемъ, какъ на обширномъ полѣ дѣятельности, такъ и въ жизни уединенія, которымъ вездѣ умѣлъ пользоваться. Предначертанія, обдуманная съ большимъ напряженіемъ и исполненные еще съ большей энергіей, нерѣдко съ упорствомъ и отчасти съ крайнимъ и неотлагательнымъ пользованіемъ непостояннымъ временемъ: все это облеченное въ свойственную мнѣ форму, часто доставляло мнѣ побѣду надъ измѣнчивою богиней счастья».

Для полноты характеристики Суворова необходимо указать на его «чужачества». Эта внѣшняя сторона его поведенія поражала всѣхъ современниковъ.

Подыскивались различныя объясненія этому чужачеству. Существуетъ, на примѣръ, мнѣ-

ніе, что Суворовъ просто хотѣлъ обратить на себя вниманіе.

Однако, если внимательно изучить всю Суворовскую жизнь, то трудно найти въ его чудачествѣ что-либо напускное. Еще въ дѣтствѣ онъ поражаетъ своими странностями. Его постоянное одиночество уже тогда успѣло наложить на него печать оригинальности. Вступивъ же на военную службу, Суворовъ всецѣло отдалъ себя военному дѣлу, мало бывалъ въ обществѣ и еще больше развилъ въ себѣ особенности, не подходящія къ общепринятымъ формамъ и правиламъ жизни. По природѣ веселый и подвижной характеръ придавъ всѣмъ его странностямъ направленіе шутовое, а сердечная близость къ рядовому русскому солдату наложила на эти шутки грубоватый оттѣнокъ.

Позже когда Суворову пришлось уже встрѣчать различныя непріятности и чувствительные для самолюбія уколы, его шутки пріобрѣтають иногда ѣдкій характеръ. Въ этомъ же направленіи повліялъ неудачный бракъ Суворова съ княжной В. И. Прозоровской. Суворовъ очень скоро разошелся со своей женой и остался попрежнему одинокимъ. Вліяніе этого одиночества значительно усиливалось тѣмъ, что Суворовъ былъ на много головъ выше своихъ современниковъ. Онъ не могъ быть ими понятимъ. Поэтому онъ и усвоилъ себѣ привычку говорить въ видѣ шу-

точекъ, подобно тому какъ взрослые говорятъ съ дѣтьми.

Несомнѣнно также, что чудачества Суворова являлись также своего рода проявленіемъ неврастеніи. Извѣстна пословица: «гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно». Чудачества Суворова являлись какъ бы протестомъ его «подсознательнаго существа» противъ той суровой дисциплины, которой онъ подвергалъ себя въ теченіе всей своей жизни.

Суворовъ-чудакъ, сформировался не сразу. Въ болѣе молодые годы онъ сдерживалъ себя, но затѣмъ его чудачество прорывается все сильнѣе и сильнѣе. «Немудрено, если его чудачества стали, наконецъ, какъ говоритъ Равинскій *), нестерпимы. При торжественныхъ приѣмахъ онъ кланялся Екатеринѣ II и Вел. Кн. Павлу Петровичу въ ноги, кричалъ пѣтухомъ, прыгалъ на одной ногѣ, сморкался въ руку, выходилъ въ одной рубашкѣ, иногда и совсѣмъ голый, къ посѣтителямъ, возвѣщая имъ, что сейчасъ выйдетъ самъ Суворовъ...» *).

Однако нужно сказать, что причуды Суворова часто приукрашены досужей фантазіей или невѣрно объяснены, или неправильно поняты. «Выйдетъ, на примѣръ, Суворовъ въ сапогъ на

*) Равинскій, т. II, стр. 168; цитировано въ книгѣ «Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ» П. Н. Стремоухова и П. Н. Сяманскій, стр. 178.

одной ногѣ и въ туфлѣ на другой, — уже кричатъ о его чудачествѣ, а между тѣмъ больная нога не могла выносить иногда жесткой или тяжелой обуви... Начнетъ онъ играть въ деревнѣ въ бабки съ мальчишками, — уже говорятъ о его выходкѣ, а между тѣмъ не видятъ, что онъ постоянно доставлялъ себѣ моціонъ въ какой бы формѣ послѣдній ни проявлялся...» *)

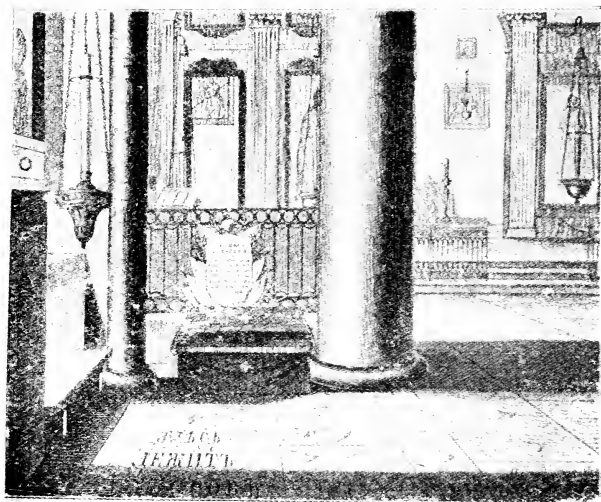
Если внимательно присмотрѣться ко многимъ «чудачествамъ» Суворова, то болѣе чѣмъ часто можно найти въ каждомъ изъ нихъ вѣрную скрытую мысль. Не его вина если эти мысли оставались непонятыми.

Суворовъ былъ погребенъ въ Петербургѣ въ Благовѣщенской Церкви Александро-Невской Лавры. На могильной плитѣ, согласно его желанію, начертано только три слова: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

Не задолго до своей смерти, Суворовъ опять оказался въ немилости у Императора Павла. Послѣдній отказалъ въ присвоеніи Суворову титула «Свѣтлость», приказавъ объявить 22 ноября 1799 года всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы Генералиссимусу князю Суворову «не утвержденнаго указомъ титула Свѣтлости не давать».

Титулъ «Свѣтлость» былъ восстановленъ для

*) Равинскій т. II.

Могла Суворова въ Александръ - Невской лаврѣ
въ С.-Петербургѣ.

*«Завѣщаю тебѣ волю мою... на моей гробницѣ
написать три слова : здѣсь лежитъ Суворовъ»*

потомства Суворова полстолѣтія спустя. При этомъ Императоръ Николай I, положилъ слѣдующую резолюцію: «Само собой разумѣется, въ Россіи пока былъ еще одинъ Суворовъ, и тому, которому въ церкви на молебствіи за побѣды велѣно было провозглашать *Россійской арміи Побѣдоносцу*, иного титула и быть не могло».

Императоръ Павель I-й, приказалъ совершить погребеніе Суворова не по званію Генералиссимуса, а по чину фельдмаршала. Военночиновный міръ Петрограда не зналъ поэтому какъ отредактировать приказъ объ исключеніи умершаго Суворова изъ списковъ Русской Арміи. Такой приказъ и не былъ отданъ, а затѣмъ объ этомъ забывали.

Неотдача приказа объ исключеніи Суворова изъ списковъ Русской Арміи была обнаружена профессоромъ и начальникомъ нашей Военной Академіи генераломъ Сухотинымъ какъ разъ ко дню столѣтія со дня смерти Суворова. Послѣ этого Суворовъ былъ уже сознательно оставленъ числящимся въ спискахъ Русской Арміи.

Интересно указать здѣсь, что въ народныхъ сказаніяхъ Новгородской губерніи до послѣдняго времени жила легенда о томъ, что Суворовъ не умеръ *). Согласно этому преданію, въ дремучемъ лѣсу, среди болотъ, лежитъ огромная

*) Эта легенда напечатана въ 1884 году, въ трудѣ А. Петрушевскаго «Генералиссимусъ князь Суворовъ», т. III, стр. 378, 379.

каменная глыба съ пещерою внутри; ходъ въ нее изъ подъ болота. Мѣсто это страшное; тамъ блуждаютъ синіе огоньки, слышатся тоскливые, жалобные стоны. Филины не пролетаютъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ; крестьянинъ, невзначай сюда попавшій, обходить дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе. Всегда здѣсь тихо и мертво; только воронъ каркаетъ по временамъ надъ камнемъ, да вѣется орелъ, успокаивая клеткомъ своимъ старца, почивающаго неземнымъ сномъ въ пещерѣ, внутри камня. Черезъ малое отверстіе брежжитъ оттуда тусклый слабый свѣтъ неугасимой лампы, да доносится глухое замогильное поминовеніе князю, рабу Божію Александру. Въ глубинѣ скалы спитъ самъ дѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня; давно онъ спитъ и спать будетъ — долго. Только тогда, когда покроется Русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется Великій Русскій Воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ Отечество отъ лютой невзгоды.

О Ч Е Р К Ъ II-ой.

У Ч Е Н І Е С У В О Р О В А

«Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ».

По мѣрѣ того, какъ расла военная слава Суворова, всеобщую извѣстность получала его эксцентричность; и часто молва объ его «чуждачествахъ» опережала даже его боевую славу. Таково свойство обывательскаго мнѣнія; массовый человѣкъ не любитъ тѣхъ, кто возвышается надъ среднимъ уровнемъ и охотно воспринимаетъ то, что можетъ принизить выдающагося человѣка.

«Чуждачество» Суворова было столь велико и на столько не вязалось съ представленіемъ «Великаго полководца», что вводило въ заблужденіе даже геніальныхъ людей. Такъ Наполеонъ сказалъ, что Суворовъ обладалъ душой великаго полководца, но не имѣлъ его головы.

Такъ думалъ Наполеонъ... а сторонній обы-

ватель рѣшилъ проще: Суворовъ былъ просто счастливъ.

Когда до Суворова доходило это мнѣніе, онъ сердился и называлъ его разсужденіемъ «ослиной» головы. «Счастье, счастье... вырвался у него разъ отвѣтъ, помилуй Богъ, нужно когда нибудь и умѣнье». Въ своемъ же письмѣ къ Потемкину онъ пишетъ: «я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ».

Но чтобы повелѣвать счастьемъ, надо чего то достигнуть. Суворовъ сумѣлъ достигнуть двухъ наиболѣе трудныхъ, но и наиболѣе могущественныхъ цѣлей: онъ умѣлъ повелѣвать собой и людьми. Личное присутствіе Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее дѣйствіе. Въ Италіи, въ одномъ изъ сраженій, при частной неудачѣ въ одной изъ нашихъ частей, слышались крики: «Суворовъ здѣсь...» Эта часть рванулась впередъ и легла чуть не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятели. Имѣется интересное свидѣтельство одного посторонняго къ арміи лица о магическомъ дѣйствіи Суворова на войска. Состоявшій въ штабѣ Суворова въ Италіи гражданскій чиновникъ Фуксъ наблюдалъ за ходомъ сраженія на Треббін, находясь на небольшой возвышенности вмѣстѣ съ однимъ изъ Суворовскихъ генераловъ Дерфельденомъ. Фуксъ былъ пораженъ тѣмъ, что какъ только появлялся Суворовъ въ своей бѣлой рубашкѣ, тамъ гдѣ войска приходили

отъ неудачи въ разстройство, порядокъ тотчасъ же возстановливался. Дерфельденъ объявлялъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ продолженіи 35 лѣтъ, какъ знаетъ Суворова; что этотъ непонятный чудакъ есть какой-то талисманъ, который довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена.

Обаяніе Суворова, вѣра въ него увеличивала духовныя силы войскъ на полѣ сраженія. Это позволяло ему доводить моральное напряженіе своихъ войскъ до такой высокой степени, которая на обыкновенный масштаб должна была почитаться недостижимой. Въ свою очередь это позволяло Суворову доходить въ своихъ дѣйствіяхъ до такой степени дерзанія, размѣры которой не учитывались военной наукой того времени. Такой способъ дѣйствій озадачивалъ и противниковъ Суворова на полѣ сраженія и поверхностныхъ критиковъ въ кабинетѣ; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убѣждались даже самыми фактами. Для того, чтобы понять это, нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ тупикѣ, въ который зашла военная наука въ концѣ Фридрихскаго періода военнаго искусства. Ключъ побѣды видѣли въ одномъ только маневрированіи войскъ; въ зависимости отъ того подъ какимъ угломъ подводились войсковыя колонны къ полю сраженія, исходъ послѣдняго считался предрѣшеннымъ. Самъ вдохновитель этой эпохи,

Фридрихъ II, идеи котораго изживались, писалъ «бой есть средство скудоумныхъ генераловъ». Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ», въ фигурахъ Мака и Вейротера, а также въ тѣхъ разочарованіяхъ, которыя переживаетъ князь Андрей Болконскій, далъ замѣчательную картину провала этихъ идей.

«Жалкіе академики» — вотъ какъ именуется эту школу Суворовъ. Въ свою очередь, въ мнѣніи этихъ рутинеровъ, схоластиковъ, приверженцевъ одной только «тактической механики» и «стратегической геометріи», Суворовъ оказывался невѣждой въ военномъ дѣлѣ и варваромъ, одареннымъ лишь инстинктомъ войны.

Имъ и въ голову не приходило, что на истинномъ научномъ пути стоялъ какъ разъ «варваръ» Суворовъ, а не они.

Основой Суворовскаго ученія, или какъ онъ называлъ его свойственнымъ ему мѣткимъ словомъ — «Науки побѣждать», является *признаніе господства духа надъ матеріей*. Поэтому и ключъ къ побѣдѣ Суворовъ усматриваетъ прежде всего въ правильномъ воспитаніи и обученіи войскъ. Что это такъ, свидѣтельствуетъ онъ самъ, признавая возможнымъ, что его войска будутъ и безъ него, съ другими начальниками, побѣдоносны, если они хорошо имъ, Суворовымъ, обучены. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо говоритъ, что билъ непріятеля,

благодаря своему способу обученія войскъ. Когда онъ прїѣзжаетъ въ Италію, онъ прежде всего переобучаетъ по своему австрійскія войска и эти войска, сплошь до сихъ поръ битыя французами, сразу же, совмѣстно съ Суворовскими чудо-богатырями, дѣлаются побѣдоносными.

Исходя изъ признанія главенства духа въ явленіяхъ войны, Суворовъ и принимаетъ прежде всего мѣры къ моральному поднятію духа своихъ войскъ.

«Солдату надлежитъ быть, говоритъ Суворовъ, храбру , тверду, рѣшиму, справедливу, благочестиву, молись Богу, отъ Него побѣда. Чудо-богатыри. Богъ насъ водить, Онъ нашъ генераль...»

Требуя, въ другомъ мѣстѣ своей «Науки побѣждать», неудержимаго натиска въ атакѣ, Суворовъ кончаетъ свое поученіе такъ: «...остальнымъ давай пощаду. Грѣхъ напрасно убивать. Они такіе же люди. Умирай за домъ Богородицы, за Матушку, за Пресвѣтлѣйшій домъ. Церковь Бога молить. Кто живъ — тому честь и слава».

Въ указаніяхъ о квартированіи войскъ, Суворовъ пишетъ: «...обывателя не обижай. Онъ насъ поить и кормить. Солдатъ не разбойникъ».

Наконецъ, очень часто Суворовъ кончаетъ свои поученія словами: «Помилуй Богъ, мы

Русскіе», стремясь затронуть національное чувство своихъ воиновъ.

Можетъ показаться, что приведенныя выдержки изъ «Науки побѣждать» не представляютъ собой ничего особеннаго. При современныхъ взглядахъ на войну, онѣ являются совершенно нормальными. Но нужно учесть ту эпоху, въ которую жилъ Суворовъ. Это было время вербованныхъ армій, построенныхъ на Фридриховскихъ требованіяхъ, чтобы солдатъ боялся палки капрала болѣе, нежели пули непріятеля. Это была эпоха солдата-автомата, изъ души котораго вытравливалось все человѣческое, причемъ главнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись шпитц-рутены. Потребовались французская революція и побѣды Наполеона, дабы повернуть европейскія государства на путь національныхъ армій и сознательнаго бойца. Суворовъ же твердо сталъ на этотъ путь раньше. Онъ стремился создать изъ своей арміи не механически сплоченный аппаратъ изъ автоматовъ, а организмъ, въ которомъ воля и сознаніе составляющихъ единицъ оставались способными активно стремиться къ побѣдѣ.

Можетъ ли быть теперь сомнѣніе въ томъ, что армія, построенная на Суворовскихъ началахъ должна была оказаться сильнѣе армій, состоящихъ изъ автоматовъ прусскаго образца.

Забота Суворова о сознательномъ и активномъ участіи въ боевыхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ воиновъ прямо удивительна. Даже для современной эпохи требованія въ этомъ отношеніи Суворова высоко поучительны.

Во время борьбы съ польскими конфедератами онъ приказываетъ: «спрашиваться старшихъ накрѣпко запрещено; но каждому постовому командиру въ его окружности дѣлать мятежникамъ самому скорый и крѣпкій ударъ подъ зысканіемъ за малую дѣятельность».

Во время итальянской кампаніи онъ доводитъ свои требованія къ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, выдѣленныхъ имъ для охраны армейской операціи, до высшей степени. «Мѣстный,—пишетъ онъ одному, слишкомъ буквально придерживающемуся даннаго ему оперативнаго приказанія, — въ его близости по обстоятельствамъ лучше судить, нежели отдаленный: онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны, ихъ теченія и направляетъ свои поступки по правиламъ воинскимъ. Я — вправо, должно влево, — меня не слушать. Я велѣлъ впередъ, ты видишь — не иди впередъ».

Это и въ настоящее время является высшей степенью сознательнаго исполненія подчиненными идей своего начальника. Безъ «субординаціи», которую, какъ мы увидимъ дальше, Суворовъ ставитъ первымъ изъ своихъ «правиль воинскихъ», ведущихъ къ побѣдѣ, и безъ высокой

военно-научной подготовки командного состава, вышеприведенное требованіе легко можетъ привести къ анархіи въ боевыхъ дѣйствіяхъ.

Вотъ почему Суворовъ и въ мирное и въ военное время непрерывно «учить». Нужно всегда помнить, что Суворовъ прежде всего *геніальный учитель*, причемъ самымъ замѣчательнымъ его свойствомъ въ этомъ отношеніи является *конкретность и опредѣленность его поученій*.

Замѣтивъ, напримѣръ, тенденцію нашего командного состава къ лобовымъ ударамъ, какъ къ тактической формѣ требующей наименьшей мыслительной работы начальника, онъ не стѣсняется въ своей «Наукѣ побѣждать» совершенно опредѣленно высказывать свое предпочтеніе къ фланговой атакѣ.

«Въ баталіи полевой три атаки.

Въ крыло, которое слабѣе.

Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ. Это не мудрено. Солдатъ проберется и болотомъ. Тяжело черезъ рѣку, безъ мосту не перебѣжишь. Шанцы всякіе перескочишь.

Атаку въ середину не выгодно, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ.

Атака въ тылъ очень хороша; только для большого корпуса, а арміи заходить тяжело».

Подобныя опредѣленныя указанія противниками всякой доктрины еще передъ войной 1914-17 г. г. приравнивались къ трафарету.

Между тѣмъ, Суворовъ менѣе, чѣмъ кто либо изъ другихъ полководцевъ, можетъ быть обвиненъ въ любви къ трафарету. Какъ далеки отъ такой опредѣленности туманныя тактическія указанія нашихъ бывшихъ уставовъ и инструкцій, въ которыхъ подъ предлогомъ того, что на войнѣ «обстановка повелѣваетъ», писались одни общія мѣста!

Суворовъ требуетъ сознательнаго участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ не только отъ начальниковъ, но и отъ солдатъ. Вотъ что онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ по обученію австрійскихъ армій въ 1799 году:

«Не довольно, чтобы одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствій. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причинѣ — даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ больше вредный, нежели полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ».

Слѣдуетъ отмѣтить, что вышеприведенныя слова Суворова долго понимались нами, какъ сообщеніе задачъ, возложенныхъ на высшія войсковыя соединенія и во всѣ младшія инстанціи. Это вело къ механическому переписыванію

высшихъ приказовъ. Не было обращенія на то, что Суворовъ говоритъ о «планѣ дѣйствій», т. е. объ избранныхъ методахъ дѣйствія. Наличія «плана дѣйствій» онъ требуетъ даже для самыхъ мелкихъ боевыхъ ячеекъ и чтобы въ установленіи этого «плана дѣйствій» высшее начальство принимало самое дѣятельное и активное участіе.

Говоря другими словами, Суворовъ требуетъ, чтобы начальники все время на войнѣ, такъ же какъ и въ мирное время, учили войска, обращаясь къ разуму солдата.

Поэтому основнымъ требованіемъ Суворова при обученіи войскъ являлось то, чтобы послѣ каждаго ученія солдату говорилось поученіе.

Вотъ что по этому поводу говоритъ Дюбокажъ *): «...фельдмаршалъ имѣлъ обычай говорить съ войсками. Каждый свой смотръ, парадъ, онъ заканчивалъ весьма длинною рѣчью **), въ которой подробно разъяснялъ, что нужно для того, чтобы быть хорошимъ солдатомъ, хорошимъ офицеромъ. Онъ указывалъ на ошибки, сдѣланныя войсками въ одномъ случаѣ, хвалилъ за то, какъ они вели себя въ другомъ. Наконецъ,

*) Дюбокажъ, французскій эмигрантъ, служившій при Суворовѣ довольно продолжительное время; онъ написалъ: «*Precis historique sur le Maréchal Souwogow*».

***) Иногда въ теченіе 2-хъ часовъ; примѣчаніе Дюбокажа.

онъ передавалъ имъ въ своихъ рѣчахъ общія основанія военнаго искусства».

Вотъ это общее поученіе и является второю частью, такъ называемой «Науки побѣждать»; оно въ свою очередь называлось «Словесное поученіе солдатамъ о знаніи для нихъ необходимомъ»; оно являлось не чѣмъ инымъ, какъ краткимъ курсомъ тактики того времени, изложеннымъ паразитическимъ Суворовскимъ языкомъ.

Непосредственно передъ каждымъ сраженіемъ передъ строемъ читается боевой приказъ Суворова, объясняющій, что нужно было дѣлать. При этомъ для «вразумительности» этотъ приказъ читается трижды. Эти боевые Суворовскіе приказы носятъ совершенно особенный характеръ; по нынѣшней терминологіи это скорѣе инструкціи, въ которыхъ Суворовъ доводитъ до сознанія низшихъ чиновъ свой «планъ дѣйствій».

Для примѣра приведемъ боевой приказъ Суворова передъ сраженіемъ на Треббін.

Когда въ войну 1799 года Суворовъ быстро повелъ часть своихъ войскъ навстрѣчу двигавшемуся изъ Тосканы Макдональду, стратегическая обстановка складывалась такъ: соединеніе Макдональда съ Моро угрожало низвести на-нѣтъ уже достигнутые успѣхи и даже грозило неудачей всей кампаніи; выгоды центрального положенія, позволяли Суворову разбить обоихъ французскихъ генераловъ порознь. Такимъ образомъ, предстояло быстро двинуться навстрѣ-

чу Макдональду и дать ему встрѣчный бой. Въ свою очередь, Макдональдъ съ цѣлью не дать Суворову возможности использовать центральное положеніе, вель свою армію, крайне форсируя движеніе. Ясно, что предстоящее сраженіе должно было отразить въ себѣ всѣ особенности встрѣчнаго боя въ наиболѣе рѣзкихъ формахъ. Въ такомъ случаѣ особенное значеніе получаетъ энергія перваго натиска встрѣчающихся войскъ, такъ какъ во встрѣчномъ бою «кто первый палку въ руки взялъ, тотъ и капраль». Для достиженія быстроты развитія боя должна быть допущена децентрализація въ веденіи боя; особенное значеніе получаютъ угрозы флангамъ; успѣхъ долженъ быть развитъ энергичнѣйшимъ преслѣдова-ніемъ.

Исходя изъ ожидаемыхъ имъ условій боя, Суворовъ отдааетъ еще за три дня до встрѣчи слѣдующій приказъ:

Приказъ по союзной арміи.

Непріятеля поражать холоднымъ оружіемъ, штыкомъ, саблями и пиками *). Артиллерія стрѣляетъ по своему разсмотрѣнію, почему сна по линіи не расписывается **). Кавалеріи и

*) Подчеркивается значеніе рѣшительности атаки.

***) Разрѣшается децентрализація огня для ускоренія артиллерійскаго содѣйствія.

казакамъ стараться непріятелю во флангъ вороваться *).

Въ атакѣ не удерживать **).

Когда непріятель будетъ сколотъ, срубленъ, тотчасъ преслѣдовать его и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Если непріятель будетъ сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непріятель сдавался, о чемъ всѣ войска извѣстить. Не взирая на труды, преслѣдовать непріятеля денно и ночью до тѣхъ поръ, пока истребленъ ни будетъ ***).

Чтобы котлы и прочіе легкіе обозы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непріятелю, дабы по разбитіи его можно было каши варить. А, впрочемъ, побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою.

Кавалерія должна о фуражѣ сама пещись.

Суворовъ.

Александрія, 3 іюня 1799 года.

*) Подчеркивается значеніе дѣйствій во-флангъ.

***) Быстрота развитія наступленія ставится впереди ударной цѣльности атаки.

***) Подчеркивается энергичное преслѣдованіе.

Независимо отъ этого приказа отдавались диспозиціи. Въ одной изъ нихъ, отъ 1-го іюня былъ точно указанъ тотъ боевой порядокъ, въ который по правиламъ линейной тактики должны выстраиваться войска. Такимъ образомъ, приказъ по арміи отъ 3-го іюня не представлялъ собой того, что мы обыкновенно понимаемъ подъ словомъ «оперативный приказъ». Это инструкция, какъ дѣйствовать въ предстоящемъ бою. Полководецъ, на основаніи ему одному извѣстныхъ данныхъ, бралъ на себя рѣшеніе задачи выбора методовъ веденія боя и сообщалъ это рѣшеніе до самыхъ низовъ арміи. Вотъ какъ, въ условіяхъ своего времени, когда военнаучная подготовка команднаго состава стояла на невысокой ступени, осуществлялъ самъ Суворовъ свое требованіе, «чтобы каждый воинъ понималъ свой маневръ».

Вотъ другой образецъ боевыхъ инструкцій, отдаваемыхъ въ арміи Суворова для поясненія низшимъ чинамъ того, что отъ нихъ потребуется въ предстоящемъ сраженіи. Это — приказъ по Азовскому мушкетерскому полку, отданный наканунѣ штурма Праги.

«Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

«1. Взять штурмомъ Прагскій ретраншментъ. — И для того:

«2. На мѣстѣ полкъ устроится въ колонну

по-ротно. Охотники *) со своими начальниками станутъ впереди колонны, а съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ предъ пражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ для закидки рва, и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва черезъ валъ. Людямъ съ шанцевымъ инструментомъ быть подъ началомъ особаго офицера, и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья черезъ плечо на погонномъ ремнѣ.

Съ нами егеря Бѣлорусцы и Лифляндцы; они у насъ направо.

«3. Когда пойдемъ, воинамъ итти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

«4. Подошелъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро, по приказу кричатъ «ура».

«5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него, ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ — шибко, скоро, пара за парой лѣзь. Коротка лѣстница? Штыкъ въ валъ — лѣзь по немъ другой, третій. Товарищъ товарища обороняй. Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля и мгновенно стройся за валомъ.

«6. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, споро, храбро — по-Русски. Дер-

*) При каждомъ полку были сформированы команды охотниковъ для боя «по-егерски», т. е. въ разсыпномъ строю.

жаться своихъ, въ середину; отъ начальниковъ не отставать. Вездѣ фронтъ.

«7. Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтокъ не трогать.

«8. Кого изъ насъ убьютъ, — Царство Небесное; живымъ — Слава, Слава, Слава».

Требованіе даже отъ рядового солдата сознательнаго участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ выражается у Суворова въ настойчивой борьбѣ съ незнаніемъ, или какъ онъ называлъ это, съ «немогузнайкой», и съ порожденіями невѣжества — стремленіемъ уклониться отъ опредѣленнаго отвѣта, пассивностью въ дѣйствіяхъ и обманомъ.

«Богатыри, пишетъ Суворовъ въ «Наукѣ побѣждать», непріятель отъ Васъ дрожить. Да есть непріятеля больше... проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, краткословка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка что безтолково выговаривать... Стыдно сказать: отъ немогузнайства много, много бѣды...»

Въ другомъ мѣстѣ «Науки побѣждать», въ текстѣ, написанномъ послѣ 1790 года, говорится:

«...За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный. Ученье свѣтъ, неученье тьма. Дѣло мастера боится, и крестьянинъ не умѣетъ сохой владѣть, хлѣбъ не родится. За ученаго

Après mes Regis je reste ici planté en faisant une guerre
opiniâtre au nombre constitutionnel des je ne savaux vous
le dire malheureusement entrainés devant mes à-brèves
sous le vite des quels se cachent tous les fous en pleine
sûreté. Sans volonté fixe, opinion déterminée; A ne sont
qu'équivoque impure expression vagues phrases exotiques,
exemples accablés Un jargon ebloui ou barbare et sans fin
un cahos où domine un amour propre naïf sur le Service.

Sans nulle précaution par ces fâcheux égarés, Mro. Souffran
dans les irrécupérables L'arras Tr. 2 ici 3 où l'emploi nous
s'évapore par la mort, je l'attaquai courageusement, elle
pâle et n'emporta qu'un déla du 1/2 de son butin envenimé
par les loix naturelles hospitaliques; en grondant elle
éloigne à vici d'oeil, je la poursuis avec vigueur, où
l'aide de Dieu! dans une 15. ne elle sera terrassée; de
je il ne reste à vaincre qu'1/2 ou plutôt 1/4 du superflu Total
mes meilleurs aides laborieux vigilants et résolus et ont
Petrov, Brataev & Szerbatov. Tous voient quelques pièces
fugitives mais instructives.

трехъ неученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ. Давай намъ шесть. Давай десять на одного. Всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто: а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!».

Можно ли ярче сказать о значеніи воинскаго обученія? Въ будущей Россійской арміи слѣдовало бы, чтобы въ каждой казармѣ были бы на мраморныхъ доскахъ выгравированы только что приведенныя слова Суворова, дабы они такъ же врѣзались въ душу будущихъ офицеровъ и солдатъ, какъ они вросли въ душу Суворовскихъ воиновъ.

Само собой разумѣется, что Суворовское обученіе, обращаясь къ разуму солдата, стояло совсѣмъ на иномъ пути, чѣмъ тотъ прусскій путь, на который вгонялъ Павелъ 1-й Русскую Армію на своихъ плацъ-парадахъ. Но геніальность Суворова, какъ учителя, заключалась не только въ томъ, что онъ вѣрно избралъ новый путь, но и въ томъ, какъ онъ шелъ по этому пути. Выше мы указывали, что особенностью Суворовскихъ поученій являлась ихъ конкретность. Эта же конкретность являлась слѣдствіемъ того, что онъ примѣнялъ въ своемъ обученіи тотъ методъ, который проводится въ жизнь европейскихъ армій только вѣкъ спустя. Я говорю о

такъ называемомъ «прикладномъ» методѣ обученія, примѣняя который фельдмаршалъ Мольтке создалъ Большой Германскій Генеральный Штабъ, а плеяда французскихъ генераловъ съ маршаломъ Фошемъ во главѣ привела французскую армію къ побѣдѣ въ міровой войнѣ... и противъ попытки проведенія котораго, въ нашей Военной Академіи, съ такой яростью возсталъ часть военныхъ профессоровъ, съ ген. Сухомлиновымъ во главѣ.

Руководящей идеей этого метода является то, что для *военнаго чловѣка знаніе получаетъ дѣйствительное значеніе только тогда, когда онъ умѣетъ его примѣнить*. И вотъ Суворовская «Наука побѣждать» заключается не только въ «Словесномъ поученіи солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ», но также въ «Ученіи передъ разводомъ (вахтъ-парадъ)» или вѣрнѣе въ подробной программѣ такого ученія. При этомъ, первую часть «Науки побѣждать» является «Ученіе передъ разводомъ», а «Словесное поученіе» — лишь второй частью.

Такимъ образомъ Суворовъ, хотя и обращался къ разуму солдата, но на первое мѣсто онъ ставилъ само «дѣйствіе». Крайне характеренъ и языкъ, которымъ изложены эти части. Это не повѣствовательный тонъ, а рядъ краткихъ, энергичныхъ приказаній для дѣйствія. Встрѣчающіяся въ обѣихъ частяхъ повторенія однѣхъ

и тѣхъ-же фразъ, указываютъ на *неразъединимость знанія и дѣйствія*.

«Нужно ли послѣ этого распространяться, пишетъ Дюбокажъ *), о причинахъ непобѣдимости войскъ Суворова? Послѣдній солдатъ, изъ попашихъ въ сферу его вліянія, *узнавалъ и практически и теоретически, боевое дѣло лучше, чѣмъ теперь его знаютъ въ любой европейской арміи въ мирное время, не исключая и самыхъ образованныхъ **)*. Сознавъ ясно, что для побѣды нужно укрѣпить солдата умственно, нравственно и физически, онъ и свою систему воспитанія сообразилъ строго послѣдовательно съ этой цѣлью, не дѣлая никакихъ уступокъ. Развитіе сметки и особенно упорства, характера, притупленіе инстинкта самосохраненія, — насколько это возможно въ живомъ существѣ, — укрѣпленіе ума послѣдняго солдата положительнымъ знаніемъ военнаго дѣла, — вотъ Суворовская система, во всемъ ея простомъ и осязательномъ величіи. Для его солдата не было неожиданности въ бою, ибо онъ испыталъ въ мирное время самую тяжелыя изъ боевыхъ впечатлѣній ***), не могло быть ничего непонятнаго изъ того, что дѣлалось въ бою,

*) «Precis historique sur le Maréchal Souwogow», переводъ взятъ изъ т. II «Военной Библіотеки», стр. 442.

**) Курсивъ Дюбокажа.

***) Дюбокажъ намекаетъ здѣсь о Суворовскихъ «сквозныхъ атакахъ», составлявшихъ главную часть его «разводнаго ученія».

ибо обо всемъ военномъ дѣлѣ онъ имѣлъ основательное теоретическое представленіе. А если человѣкъ выдержанъ такъ, что его ничѣмъ удивить невозможно, если онъ при этомъ знаетъ, что дѣлаетъ въ своей скромной сферѣ, — онъ не можетъ быть побѣжденъ, онъ не можетъ не побѣдить».

О Ч Е Р К Ъ Ш-й.

У Ч Е Н І Е С У В О Р О В А

«Глазомѣръ, быстрота и натискъ».

Опредѣляя, что такое воинское искусство, Суворовъ въ своей «Наукѣ побѣждать» говоритъ:

«Два воинскія искусства. Первое, глазомѣръ, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить. Второе, быстрота».

Такимъ образомъ, въ Суворовскомъ пониманіи, «глазомѣръ» это — умѣніе поставить правильное рѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Ставя на первое мѣсто «глазомѣръ», а не «знаніе», Суворовъ исходитъ изъ той основной точки зрѣнія, о которой мы говорили въ концѣ прошлаго очерка, а именно, что для военнаго человѣка знаніе имѣеть только тогда цѣнность, когда онъ умѣеть его примѣнить на дѣлѣ. Съ присущимъ ему свойствомъ сразу же подходить къ существу дѣла, Суворовъ требуетъ результатовъ знанія, а не только само знаніе.

Это нисколько не умаляет значенія «знанія», которое Суворовъ считаетъ необходимой предпосылкой «глазомѣра»; объ этомъ свидѣтельствуеъ поученіе, сказанное Суворовымъ по случаю возложенія Георгія 3-ей степени на одного изъ своихъ сотрудниковъ, подполк. Куриса. Смысль этого поученія былъ таковъ:

Награда можетъ быть слишкомъ тяжела по своему значенію, но это обяыываетъ награждаемаго заботиться о достоинствахъ генеральскихъ: честности — заключающейся въ держаніи своего слова, въ прямотѣ и въ отсутствіи мстительности, въ трудолюбіи, бдѣніи, постиженіи, мужествѣ и *выше всего — глазомѣръ*. При этомъ указывалось, что генералу необходимо: «непрерывное самообразование съ помощью чтеніевъ».

Въ 1770 году Суворовъ писалъ: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и во всѣхъ случаяхъ потребны, токмо тщетны они, если не будутъ истекать изъ искусства... Генералу необходимо непрерывное самообразование себя науками... нужна непрестанная наука изъ чтеніевъ... только непрерывное изощреніе взгляда сдѣлаеъ великимъ полководцемъ»...

Что понималъ Суворовъ подъ такими «чтеніями», онъ самъ поясняетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Какъ военный человѣкъ, упражняйся ты съ прилежаніемъ въ чтеніи Вобана, Кугорна,

Кюраса, Губнера; будь знающъ нѣсколько въ Богословіи, Физикѣ, нравственной философіи; читай охотно Евгенія, Тюренна, записки Юлія Цезаря, Фридриха II, Ролленову Исторію и Графа де Сакса»...

Второй предпосылкой для правильнаго «глазомѣра» является **умѣніе смотрѣть на дѣло въ его цѣломъ**. Суворовъ и ставитъ это умѣніе, какъ одно изъ необходимыхъ свойствъ полководца. «Непрестанное упражненіе, какъ все обнять однимъ взглядомъ, сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ», пишетъ онъ своему крестнику, сыну генерала Карачая.

Полвѣка спустя, величайшій изъ теоретиковъ войны, являющійся родоначальникомъ современной военной науки, Клаузевицъ, развиваетъ ту же суворовскую мысль. «Нѣтъ ничего важнѣе въ жизни, — пишетъ онъ, *) — какъ правильно поставить отправную точку, съ которой должны быть обнимаемы и обсуждаемы вещи (auffassen und beurtheilen), и затѣмъ строго держаться ея, потому что въ одной точкѣ мы можемъ обнять, въ ихъ единствѣ, всю массу явленій, и только единство точки зрѣнія можетъ избавить насъ отъ противорѣчія».

Болѣе же чѣмъ вѣкъ спустя послѣ Суворова, великій полководецъ XIX вѣка, фельдмар-

*) «Теорія войны», переводъ Войде. Томъ 2-ой, стр. 338.

шаль Молътке, указываеъ, что самое главное въ дѣлѣ руководства операціей это сохраненіе единства точки зрѣнія...

* * *

Выдвигая на первое мѣсто «глазомѣръ», Суворовъ выдвигаетъ значеніе «расчета», а не «риска». Неправда ли, странно это слышать изъ устъ полководца, свойствомъ котораго, поражавшимъ всѣхъ его современниковъ, было «дерзаніе». Вѣдь, именно на этомъ впечатлѣніи базировалось мнѣніе иностранцевъ о Суворовѣ, какъ о варварѣ, одаренномъ лишь военнымъ инстинктомъ!

Нельзя отрицать необходимости для вожденія войскъ способности дерзать. Чѣмъ войсковая часть меньше, тѣмъ больше «дерзанія» требуется отъ ея начальника. Поэтому войска должны воспитываться въ самомъ ярко выраженномъ наступательномъ духѣ. Они должны быть готовы атаковать врага, не считаясь съ его силами. Суворовъ такъ и воспитывалъ свои войска: «А что дерзновенны, — пишетъ Суворовъ про свои войска, — я одинъ тому виной, я ихъ приучилъ къ смѣлой наступательной тактикѣ».

Но, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по ступенямъ военной іерархіи, расчетъ, т. е. «глазомѣръ», все больше и больше отгѣсняетъ рискъ, т. е. «дерзаніе», на второй планъ. Стар-

шіе начальники должны *водить войска въ бой, а не на убой*. Создатель російской регулярной арміи — Петръ Великій — проводилъ эту мысль, настаивая на «побѣдахъ малою кровью». Такова же была точка зрѣнія и Суворова. Напомнимъ приведенныя въ предыдущемъ очеркѣ слова его «Науки побѣждать»: «Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто, а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе, Господа офицеры, какой восторгъ!».

При изученіи боевыхъ дѣйствій Суворова нужно различать его дѣятельность, какъ начальника небольшого отряда и начальника дивизіи отъ его дѣятельности въ роли командующаго арміей или главнокомандующаго. Въ его боевой карьерѣ «дерзаніе» начальника небольшого войскового соединенія тѣсно переплетается съ «расчетомъ» въ роли начальника высшаго войскового соединенія. А это, при поверхностномъ изученіи суворовскихъ боевыхъ дѣйствій, приводитъ къ тому, что можетъ показаться, что Суворовъ самъ себѣ противорѣчитъ, выдвигая первымъ принципомъ военного искусства «глазомѣръ», а не дерзаніе.

На это противопоставленіе «дерзанія» — «расчету» намъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе. Очень часто въ нашей военной литературѣ и въ сужденіяхъ, слышанныхъ авторомъ въ высшихъ штабахъ во время Великой войны, прихо-

дилось встрѣчать поверхностное пониманіе «дерзанія». Такое пониманіе дерзанія служило для прикрытія дѣйствій на авось вслѣдствіе неумѣнія произвести правильный расчетъ.

Между тѣмъ, именно глубокое изученіе Суворова — этого дерзновеннѣйшаго полководца, — заставляетъ придти къ заключенію, что многое, приписываемое ему непонимающей посредственностью лишь какъ дерзаніе, на самомъ дѣлѣ являлось его «глазомѣромъ», т. е. расчетомъ.

Для дальнѣйшаго поясненія этой мысли приведемъ примѣръ:

Во время оно вавилоняне пытались строить высокую башню, но, согласно Библии, это являлось такой дерзостью, которая была наказана смѣшеніемъ языковъ. Вѣрнѣе думать, что башня просто обвалилась. Въ 1896-мъ году Эйфель построилъ въ Парижѣ башню, которая, конечно, выше, чѣмъ проектированная Вавилонская башня. Она не обвалилась, и когда вы ходите на нее смотрѣть, то восхищаетесь, конечно, не дерзаніемъ, а расчетомъ. Дерзаніе же тутъ есть только въ томъ, что Эйфель рѣшился осуществить свой проектъ.

То же самое можно сказать о Суворовѣ — его дерзаніе заключалось въ томъ, что, сдѣлавъ армію способной къ наибольшему моральному напряженію, онъ смѣлъ и задачи ставить такія, которыя были по плечу только его арміи. Отсюда

мы видимъ, что подъ суворовскимъ словомъ «глазомѣръ» нужно также понимать умѣніе ставить себѣ задачи въ соотвѣтствіи съ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. Въ современную эпоху до чрезвычайности осложнившася военнаго дѣла, это сообразованіе преслѣдуемой задачи съ имѣющимися средствами имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ прежнія времена. Вотъ почему указаніе «Науки побѣждать», что первымъ «воинскимъ искусствомъ» является «глазомѣръ, остается вѣрнымъ и нынѣ, особенно для тѣхъ высшихъ начальниковъ, которые не призваны проливать *свою* кровь, но на которыхъ лежитъ тяжелый долгъ проливать кровь *подчинныхъ имъ войскъ*.

Итакъ Суворовъ указываетъ, что первымъ проявленіемъ «воинскаго искусства» является постановка правильнаго рѣшенія (глазомѣръ). Но это только первая ступень къ побѣдѣ. Нужна еще *быстрота* выполненія принятаго рѣшенія. «Фортуна, — пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Суворовъ, — имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висящіе волосы. Летъ ея молніенъ; не схвати ее за волосы — уже она не возвратится». Изъ этихъ словъ явствуетъ, что тотъ, кто умѣетъ предвидѣть событія, имѣетъ болѣе шансовъ «схватить фортуна», но все-таки для того, чтобы схватить, нужно дѣйствовать быстро.

Дабы пояснить, почему «быстрота» дѣй-

ствія имѣетъ въ военномъ искусствѣ особое значеніе, мы опять позволимъ себѣ сторонній примѣръ.

Двое дерутся на шпагахъ. Одинъ изъ нихъ правильно выбралъ точку для удара своей шпаги — въ сердцѣ противника. Но онъ дѣйствуетъ вяло, и его врагъ, столь же удачно выбравшій точку своего нападенія, предупредилъ его, и лезвіе шпаги второго уже приближается къ сердцу перваго. Что дѣлаетъ первый? Почувствовавъ, что онъ опоздалъ, этотъ первый откажется отъ своего нападенія и перейдетъ къ отбитію удара болѣе скорого врага.

На войнѣ, такъ же, какъ и въ поединкѣ, борются двѣ воли: къ побѣдѣ будетъ всегда ближе та изъ нихъ, которая не только болѣе разумна, но и болѣе быстра.

Въ письмѣ, написанномъ въ поученіе своему крестнику, Суворовъ отчетливо проводитъ эту мысль:

«Предупреждай случай своей скоростью... Повелѣвай счастьемъ: одна иногда минута вѣнчаетъ побѣду; покоряй ее себѣ скоростью Цезаря, который столь хорошо и въ самый день умѣлъ непріятелей своихъ нечаянно уловлять, обращать и окружать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ желалъ и въ какое время»...

Въ своей «Наукѣ побѣждать» Суворовъ и указываетъ, что вторымъ воинскимъ искусствомъ является *Быстрота*.

Объясняя въ своей «Наукѣ побѣждать» необходимость быстроты маршей, Суворовъ говоритъ: «При сей быстротѣ и люди не устали и непріятель насъ не чаеть, считаетъ насъ за сто верстъ, а коли издалека, то въ двухъ или трехъ стахъ и больше. Закружится у него голова; атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ. Конница начинай. Руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай. Ура. Чудеса творять Братцы!»

Въ другомъ своемъ поученіи Суворовъ ярко подчеркиваетъ мысль о томъ, что «быстрота» приводитъ къ *«внезапности»*, послѣдняя же имѣетъ согласно Суворову, *рѣшающее моральное значеніе*.

«... Непріятель поеть, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, тѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуганъ, тотъ побѣжденъ на половину; у страха глаза больше; одинъ за десятерыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную».

Минувшая большая война ярко показала что забвеніе великаго значенія принципа внезапности со стороны нашихъ союзниковъ въ кампаніи 1915-17 годовъ привело къ безплодному толканію въ нѣмецкія позиціи, стоившему много лишней крови.

Требуя «быстроты», Суворовъ умѣлъ однако, какъ никто, беречь солдатскія силы. Въ его

«Наукѣ побѣждать» сейчасъ же за высказаннымъ имъ указаніемъ, что вторымъ воинскимъ искусствомъ является «быстрота», слѣдуетъ поученіе, какъ нужно совершать марши съ наименьшей усталостью для войскъ.

«Походъ полевой артиллеріи отъ полу до версты впереди, чтобы спускамъ и подъемамъ не мѣшала. Колонна сблизится; она опять выйдетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго мосту, для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ по тропинкамъ; и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобы хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми, — десятокъ отмахалъ. Первый взводъ снимай вѣтры *), ложись. За нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ: первая заднихъ не жди. Линія въ колоннѣ на походъ растянется, коли по четыре, то въ полтора, а порядкомъ — вдвое. Стояла на шагу, идетъ на двухъ; стояла на одной вѣстѣ, растянется на двѣ; стояла на двухъ — растянется на четырехъ. То досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыхъ часъ. Первый взводъ спрыгнулъ, надѣлъ вѣтры, бѣжитъ впередъ десять, пятнадцать шаговъ (а на маршѣ, прошедь узкое мѣсто, на гору

*) «Вѣтрами» Суворовъ, въ шутку, называлъ тяжелые солдатскіе ранцы.

или подъ гору, отъ 15 до 50 шаговъ). Итакъ взводъ за взводомъ, чтобъ задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ. Отбой; отдыхъ часъ и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса, или и четверть часа, чтобъ ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашѣ. Это для пѣхоты».

«Конница своимъ походомъ впередъ; съ коней долой. Отдыхаетъ мало и свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться. Кашеварныя повозки впередъ съ палаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельный староста: къ кашамъ».

«На завтракъ отдыхъ четыре часа; тоже самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, котлы, съ припасомъ снарованы къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ».

Но если Суворовъ проявляетъ въ организаціи своихъ маршей самую внимательную бережливость солдатскихъ силъ, то вмѣстѣ съ этимъ онъ умѣлъ потребовать отъ своихъ войскъ такого высокаго напряженія, которое непревзойдено въ міровой военной исторіи. Однако, онъ требовалъ такого напряженія только тогда, когда его гениальный «глазомѣръ» подсказывалъ, что наступилъ рѣшающій моментъ операціи. Такъ, въ началѣ іюня 1799-го года Суворовъ совершаетъ свой поразительный по напряженію маршъ къ рѣкѣ Треббii. Въ предыду-

шемъ очеркѣ мы уже указывали, какъ складывалась тогда стратегическая обстановка. Суворову нужно было во что бы то ни стало предупредить на Треббѣи Макдональда и разбить его. Въ двое съ половиной сутокъ Суворовъ проходить 100 верстъ, а въ слѣдующія полторы сутокъ еще 80 верстъ.

«Войска Суворова не шли, а бѣжали. Июньское итальянское солнце стояло высоко; подъ палящимъ солнцемъ люди выбивались изъ силъ; падали отъ изнеможенія, и многіе изъ упавшихъ уже не вставали; страшный слѣдъ обозначалъ движеніе арміи, но жертвы были необходимы для выигрыша времени, которое было до крайности дорого... Суворовъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы поддержать силы людей. Этотъ 70-лѣтній старикъ появлялся то въ хвостѣ, то въ головѣ колонны, повторяя: «Впередъ, впередъ, голова хвоста не ждетъ». Иногда онъ подъѣзжалъ къ какой-нибудь части, шутилъ съ солдатами, забавлялъ ихъ разными прибаутками. Появленіе его оживляло людей. Колонна подтягивалась. Для отвлеченія вниманія людей отъ усталости, Суворовъ заставлялъ солдатъ учить 12 французскихъ словъ: балезармъ, жетелезармъ, пардонъ и т. п.» *)

Навстрѣчу Суворову, также форсируя движеніе, шелъ Макдональдъ. Когда русскій и фран-

*) «Разказы стараго воина», «Русская Старина».

цузскій авангарды встрѣтились, начальникъ нашего авангарда, кн. Багратионъ, подъѣхалъ къ Суворову и вполголоса просилъ повременить нападеніемъ, пока подтянется хотя бы часть отсталыхъ — потому, что въ ротахъ не насчитывается и по 40 человѣкъ. Суворовъ отвѣчалъ ему на ухо: «А у Макдональда нѣтъ и по 20, атакуй съ Богомъ! Ура!»

Быстрота маршей суворовскихъ армій поражала всѣхъ его современниковъ. Поражала она и его послѣдователей. Но, какъ первые, такъ и вторые, не отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ тому, что, во-первыхъ, эта быстрота имѣла своей предпосылкой геніальный «глазо-мѣръ» Суворова, т. е. требуемая имъ отъ войскъ форсировка всегда была стратегически умѣстной. Съ другой стороны, требуемая форсировка войскъ была уменьшаема Суворовымъ поразительной *продуманностью* самаго порядка совершенія маршей, благодаря которой избѣгалась всякая «непроизводительная» трата солдатскихъ силъ. Насколько эта, присущая суворовскимъ маршамъ, особенность часто была забываема въ минувшую войну, мы приведемъ выписку изъ записокъ рядового офицера, причемъ офицера, горячо любящаго старую армію, а потому не могущаго никакъ быть заподозрѣннымъ въ прстомъ критиканствѣ. Мы говоримъ про книгу капитана Попова: «Записки Кавказскаго Гренадера», въ которой онъ излагаетъ повседневныя пережи-

ванія одного изъ нашихъ доблестнѣйшихъ пѣхотныхъ полковъ, а именно лейбъ-Эриванскаго.

«Организація походнаго движенія возмущала всѣхъ офицеровъ до глубины души. Насъ поднимали обыкновенно въ 4 часа, полкъ выстраивался. Проходилъ часъ, два, три, мы все стояли и мокли подъ дождемъ...

«Какъ на зло, стояла дождливая осень. Наконецъ часамъ къ 8-ми, получали приказаніе о выступленіи. Куда мы шли — не знали, до ротныхъ командировъ включительно, хотя съ увѣренностью можно было сказать, что и штабъ полка былъ освѣдомленъ въ этомъ отношеніи не лучше насъ.

«Шли обыкновенно весь день. Порядокъ въ строю тогда еще держался образцовый, и колонна по отдѣленіямъ отчетливо вырисовывалась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Когда начинало темнѣть, насъ останавливали около какой-нибудь деревни, и опять чего-то ждали... Стояли, ждали, мокли. Часовъ въ 7 или 8 вечера отдавался приказъ располагаться на ночлегъ, но, хорошо, если въ этой же деревнѣ, а то два раза оказывалось, что мы должны ночевать въ деревнѣ, которую прошли часа два тому назадъ.

«Дѣлать было нечего — поворачивали обратно, часамъ къ 10-ти приходили на мѣсто, а въ 4 часа насъ поднимали вновь.

«Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но я еще ясно переживаю всю безтолочь поход-

наго движенія того времени, безцѣльно выматывавшаго нервы и понижавшаго боеспособность частей.

«Обидно было сознавать, что управляютъ нами неумѣлыя и незаботливыя руки»...

Приходится обратить вниманіе еще на одну, весьма распространенную ошибку, въ стратегическихъ расчетахъ нашего Генеральнаго Штаба передъ войной 1914-17 г. г. и во время этой войны, которая являлась тоже слѣдствіемъ недостаточно продуманнаго изученія Суворова.

Увлекаясь примѣромъ Суворова, требовавшаго крайняго напряженія своихъ войскъ, мы забывали, что Суворовъ по условіямъ ограниченности тѣхъ силъ, которыми онъ командовалъ, совмѣщалъ въ себѣ одновременно главнокомандующаго, командира корпуса, а часто и начальника дивизіи. Въ роли послѣдняго онъ умѣлъ потребовать отъ войскъ невозможнаго и не считалъ враговъ (напримѣръ, : его маршъ въ Пражской операціи до Бреста). Но въ роли главнокомандующаго его методы другіе: здѣсь онъ считаетъ враговъ и свои стратегическія заданія не основываетъ на такомъ же напряженіи, какъ въ тактикѣ. Полуторамѣсячная остановка у Бреста въ той же Пражской операціи является примѣромъ такой «расчетливости». Въ эпоху, предшествовавшую Европейской войнѣ и во время ея, наши высшіе штабы свои стратегическіе расчеты почти всегда основывали на крайнемъ напря-

женіи войскъ, не оставляя подчиненнымъ инстанціямъ возможности потребовать отъ войскъ добавочной энергіи на преодоленіе непредвидѣнныхъ случайностей. Операции срываются такъ же точно, какъ проливается чаша отъ послѣдней переполнившей ее капли. Стратегія имѣетъ своей задачей подвести свои войска къ полю сраженія, поставивъ ихъ въ наиболѣе выгодное положеніе; слѣдовательно, стратегія должна подвести войска не измученными, а сохраняющими свой запасъ силъ. Вотъ почему высшіе стратегическіе расчеты при веденіи современной большой войны должны основываться на нормальныхъ переходахъ. Говоря болѣе общими словами, стратегія современной большой войны требуетъ отъ высшихъ начальниковъ «*расчетливаго*» рѣшенія оперативныхъ задачъ, съ тѣмъ, чтобы не растрачивать капиталъ энергіи войскъ до сраженія. Этотъ капиталъ сберегается, конечно, не для того, чтобы онъ лежалъ втуне. Онъ сберегается для того, чтобы средніе и низшіе начальники (начальники дивизій и ихъ подчиненные), могли бы быть въ нужную минуту *расточительны*, т. е. могли бы потребовать отъ войскъ крайняго напряженія.

Подтверженіе только-что изложенной мысли о необходимости для высшихъ начальниковъ «*расчетливости*» въ ихъ требованіяхъ къ своимъ войскамъ мы находимъ въ тѣхъ словахъ, которыми Суворовъ заканчиваетъ приведенное нами

выше поученіе о рѣшающемъ значеніи внезапности боевыхъ дѣйствій: *«будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную»*...

«Будь прозорливъ»... Вы видѣли примѣръ такой прозорливости Суворова въ его отвѣтъ Баграціону при завязкѣ сраженія на рѣкѣ Треббій.

«Остороженъ» — не есть ли это прямое предупрежденіе о томъ, чтобы высшіе штабы не основывали свои расчеты на постоянной форсировкѣ войскъ?

«Имѣй цѣль опредѣленную» — ибо когда не знаешь, чего хочешь, или когда поставилъ себѣ неразумную задачу, форсировка войскъ пойдетъ только во вредъ.

Не погрѣшилъ ли Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, генераль Жилинскій, противъ всѣхъ этихъ трехъ правилъ, требуя въ началѣ кампаніи 1914 года отъ Самсоновской арміи форсированныхъ маршей?

Третьимъ воинскимъ искусствомъ, согласно Суворовской «Науки побѣждать», является «натискъ».

«Третье — натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ; рука руку усиляетъ; въ пальбѣ много людей гибнетъ. У непріятеля тѣ же руки, да Русскаго штыка не знаетъ. Вытяни линію — тотчасъ атакуй холоднымъ оружіемъ; недосугъ вытягивать линію — подвигъ изъ закрытаго, изъ тѣснаго мѣста! Коли пѣхота — въ штыки; конни-

ца тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ. Картечь черезъ голову, пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пѣхота за ней бѣжить; только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду, какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на поводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ, конница, гони, руби. Конница займется, пѣхота не отстанетъ. Въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы; передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ».

Для того, чтобы понять вышеприведенныя требованія Суворова, нужно вспомнить, что вслѣдствіе малой дѣйствительности огня въ эпоху Суворова, тактика носила ярко выраженный *ударный* характеръ.

Дальность боя ружья достигла лишь 300 шаговъ, пушки при стрѣльбѣ ядрами — 750-1000 шаговъ, дистанціи же дѣйствительнаго пораженія были гораздо меньше. Самъ Суворовъ въ своихъ первыхъ приказахъ, отданныхъ для обученія австрійской арміи въ 1799-мъ году, такъ опредѣляетъ эту дальность:

«Картечная черта тяжелой артиллеріи 80 сажень (240 шаговъ), та же черта для полковыхъ пушекъ — 60 сажень (180 шаговъ), вѣрнаго ружейнаго выстрѣла — 60 шаговъ».

Отсюда мы видимъ, что, собственно говоря, атака начиналась всего съ 240 шаговъ. Пройти это разстояніе чловѣкъ можетъ шагомъ въ двѣ ми-

нуты, а бѣгомъ — въ одну — вотъ въ какихъ рамкахъ времени протекалъ въ суворовское время рѣшающій актъ всякаго боя.

Къ этому скоротечному акту Суворовъ и готовилъ свои войска. Способами подготовки должны были служить введенныя имъ «сквозныя атаки», которыми заканчивалось обязательно каждое ученіе.

Для производства «суворовской» сквозной атаки обучающіяся войска разводились на двѣ стороны, на разстоянія, превышающія дальность картечнаго выстрѣла (80 сажень). Послѣ чего обѣ стороны по командѣ, шагомъ и бѣгомъ, шли навстрѣчу другъ другу.

«Прохожденіе линій или колоннъ, — пишетъ Дюбокажъ, *), — одной сквозъ другую исполнялось не такъ, какъ это принято въ другихъ европейскихъ арміяхъ, т. е. въ интервалы, образуемые вздваиваніемъ частей, выстраиваемыхъ вслѣдъ за тѣмъ; маневръ обыкновенно употребляемый при смѣнѣ линій, подъ огнемъ непріятели, но вовсе не соответствующій суворовской атакѣ, о которой здѣсь рѣчь».

«Эта атака была *дѣйствительная атака*, **), какая происходила въ настоящемъ дѣлѣ. Она производилась обѣими сторонами, атакующими другъ друга съ фронта — все равно, стояли ли они въ

*) Французскій эмигрантъ, служившій при Суворовѣ довольно продолжительное время. «Precis historique sur le Maréchal Souwogow».

***) Курсивъ въ подлинникѣ.

развернутомъ строю, или въ колоннахъ — среди огня пѣхоты и артиллеріи, при крикахъ ура, повторяемыхъ всякимъ пѣхотинцемъ и кавалеристомъ. Офицеры кричали при этомъ: руби, въ штыки».

«Ни одна часть въ моментъ свалки не смѣла ни принять въ сторону, ни замедлить движеніе)». Пѣхота шла на пѣхоту бѣгомъ, ружье на руку, и только въ моментъ встрѣчи поднимали штыки. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, каждый солдатъ, не останавливаясь, принималъ слегка вправо, отчего происходили, небольшіе интервалы, въ которые люди протискивались, и одна сторона проходила насквозь другой. Впрочемъ, и отъ самага бѣга строй размыкался, что также нѣсколько облегчало прохожденіе».*

«Этотъ маневръ былъ не безопасенъ, если кавалерія шла на кавалерію или на пѣхоту. Для образованія интерваловъ, необходимыхъ для того, чтобы пройти въ моментъ свалки, фланговые люди въ кавалеріи принимали нѣсколько вправо и влево, что позволяло и среднимъ размыкать ряды. Въ эти то небольшіе интервалы между кавалеристами нужно было пройти безостановочно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны состояли изъ кавалеріи, интервалы часто были недостаточны, и тогда происходила настоящая свал-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

ка: колѣнамъ доставалось. Мнѣ часто случилось видѣть вибитыхъ изъ сѣдла и до того ушибленные колѣна, что люди не могли ходить по нѣскольکو дней, а иногда и недѣль».

«Всѣ эти движенія не подчинялись никакимъ правиламъ и не отличались регулярностью; такой же характеръ придавалъ маневру сходство съ боемъ еще болѣе близкое. Нужно замѣтить, что исчезавшій порядокъ такъ быстро былъ возстановляемъ, что издали зритель едва замѣчалъ легкое волненіе линій во время свалки; ему даже трудно было представить себѣ, какимъ образомъ эти массы людей и лошадей могли пройти другъ друга насквозь безъ столкновенія; тѣмъ не менѣе несчастные случаи бывали рѣдко».

«Понятно, что для войскъ, выдержанныхъ на суворовскихъ маневрахъ, бой не представлялъ ничего новаго. Дѣйствительно: кавалерія получала навыкъ атаковать дерзко и неустрашимо, пѣхота — встрѣчала атаку спокойно и хладнокровно. Подобные солдаты атаковали холоднымъ оружіемъ въ дѣль, какъ на маневрахъ».

Въ первой части «Науки побѣждать», а именно въ «Ученіи передъ разводомъ», самъ Суворовъ даетъ слѣдующія указанія для производства сквозной атаки:

«... Барабанъ фельдмаршъ. Заходить про-

тивъ части, на мѣстѣ стоящей, изъ картечна выстрѣла вонъ. *Ступай!* *). Походъ во всѣ барабаны. На 80 саженьяхъ отъ противничья фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ, черезъ картечную черту полевой большой артиллеріи; на 60 саженьяхъ тоже черезъ картечную черту полковой артиллеріи и на 60 шагахъ вѣрной черты пуль. *Ступай! Ступай! въ штыки! Ура!*».

Такимъ образомъ, согласно Суворову, атака производится, какъ безостановочное движеніе впередъ, перебѣгая двѣ зоны въ 10-15 шаговъ въ 80 саженьяхъ и въ 60 саженьяхъ отъ непріятеля. Эти зоны покрывались картечью тяжелыхъ и полковыхъ пушекъ. Бросокъ черезъ эти зоны приводилъ къ результатамъ, которые Суворовъ такъ картинно обрисовываетъ въ поученіи солдатамъ:

«... Фитиль на картечь! бросься на картечь летить сверхъ головы! пушки твои!...».

Въ 60-ти шагахъ, то-есть въ чертѣ вѣрнаго ружейнаго огня, атакующіе бросаются бѣгомъ впередъ и проходятъ такъ до штыковъ.

«Атакуй первую непріятельскую линію. *Въ штыки! Ура!* Взводные командиры: *Коли! Коли!* рядовые: *ура!* громогласно...» ... и, какъ результатъ: «... Люди твои! вали на мѣстѣ! гони, коли!...».

*) Курсивомъ напечатаны команды.

Вдумавшись въ только-что приведенныя указанія Суворова, мы видимъ, что онъ создаетъ въ своей атакѣ «автоматизмъ».

Противорѣчить ли это той сознательности бойца, на которой Суворовъ строить свою «Науку побѣждать»?

Нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что съ 240 шаговъ атака должна была быть окончательно нацѣлена. Далѣе она должна была представлять собою какъ бы пулю, выпущенную изъ ружья. Для того же, чтобы приобрести неупорядоченность, она должна была приобрести стихійный характеръ. Послѣднее, въ свою очередь, достигается тогда, когда масса людей превращается въ то, что называется «психологической толпой». Въ «психологической толпѣ» силы индивидуума удесетеряются, и онъ легко становится героемъ. Но не нужно забывать, что онъ такъ же легко можетъ стать и трусомъ, ибо «психологическая толпа» можетъ быть только героичной или преступной. Средняго для нея нѣтъ. Она неупорядочно бѣжитъ впередъ или такъ же неупорядочно бѣжитъ назадъ. Правда, Суворовъ выпускаетъ свою «толпу» всего минуты за полторы до столкновенія, и если противникъ движется впередъ, то и того меньше. Промежутокъ времени минимальный. Для того чтобы обезпечить побѣду выпущенной имъ «стихіи», Суворовъ работаетъ надъ «подсознаніемъ» своихъ солдатъ. Современная психологія установила,

что наша «подсознательная» жизнь имѣетъ несравненно большее значеніе для нашихъ поступковъ, нежели наше «сознаніе». Въ особенности тогда, когда сознаніе затуманено. Послѣднее всегда имѣетъ мѣсто въ психологической толпѣ и при наличіи опасности. И вотъ Суворовъ развиваетъ въ солдатахъ привычку, которая должна замѣнить имъ затуманенный въ стихійной атакѣ разсудокъ. Эта привычка создавалась сквозными атаками, которыя составляли непремѣнную часть каждаго суворовскаго ученія. Во время такихъ атакъ часть привыкала проходить шагомъ или бѣгомъ указанная ей дистанціи и свыкалась съ мыслью обязательной *свалки* съ врагомъ.

«Вездѣ фронтъ», нѣсколько разъ повторяетъ «Наука побѣждать», т. е. не бойся вклиниться въ строй врага.

«Въ атакѣ не задерживай», такъ какъ начавшаяся атака не можетъ остановиться; и для того, чтобы у каждаго солдата въ этомъ отношеніи не было никакого сомнѣнія, Суворовъ требуетъ исключенія изъ воинскаго лексикона слова «ретирада». «Можетъ начатчикъ спросить отступныхъ плутонговъ? Лучше о нихъ и не помышлять; вліяніе ихъ солдату весьма опасно, ниже о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить.»

При безсрочной службѣ получалась полная возможность привить эти привычки солдатамъ,

а потому атака суворовскихъ войскъ представляла собой дѣйствительно *ничѣмъ не удержимую стихійную силу*.

Съ цѣлью укрѣпить въ сознаніи и подсознаніи солдатъ твердую вѣру въ побѣдоносность такой атаки, Суворовъ и написалъ въ своей Наукѣ ту фразу, которая, в послѣдствіи, принесла намъ много вреда. Мы говоримъ объ его словахъ: «пуля дура, штыкъ молодецъ».

Но, сказавъ эти слова, Суворовъ очень внимательно слѣдилъ, чтобы пуля не поумнѣла.

Во время Итальянской кампаніи выяснилось, что огнестрѣльное оружіе французской арміи было улучшенное. Ружье поражало дальше, у пушекъ была чугунная, а не свинцовая картечь, что увеличивало не только дальность боя, но также увеличивало и глубину зоны пораженія. Кромѣ того, французскія войска стрѣляли скорѣе, нежели турецкія и польскія. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ непріятельское картечное пораженіе не образовывало собой только двѣ рѣзко очерченныя зоны, шириной въ 10-15 шаговъ въ 80 и 60 саженьяхъ отъ противника, но можно было ожидать картечнаго пораженія на семь пространствъ въ 300 шаговъ (100 саженьей) впереди вражескаго фронта.

Суворовъ сейчасъ же производитъ измѣненія въ «формѣ» своей атаки. Указаніе объ этомъ измѣненіи формы атаки дошло до насъ въ видѣ Инструкціи, отданной Суворовымъ для обуче-

ніа австрійской арміи. Мы приводимъ эту инструкцію цѣликомъ, такъ какъ чтеніе ея позволитъ намъ увидать полностью всю картину суворовской атаки. Нужно только предупредить читателя, что въ виду того, что приводимый русскій текстъ является переводомъ съ нѣмецкаго подлинника, своеобразный суворовскій слогъ утраченъ.

ИНСТРУКЦІЯ.

«Итальянская армія обязана большею частью побѣдъ своихъ быстрому наступленію и сомкнутымъ атакамъ въ штыки; а потому всѣ господа генералы должны на каждой дневкѣ упражнять ввѣренныя имъ войска въ дѣйствіяхъ этого рода».

«Въ отдаленіи отъ непріятеля въ походѣ идти рядами, потому что для нижнихъ чиновъ это легче и удобнѣе. На каждую нѣмецкую милю (7 верстъ), — часъ отдыху, а если весь переходъ мили три съ половиной и до пяти, то подъемъ въ 2 часа утра; вьючныя лошади съ котлами и мясомъ посылаются впередъ, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержанія ихъ силъ».

«Въ разстояніи около часа отъ непріятеля выстраиваются взводы, а лишь только подойдутъ подъ пушечный выстрѣлъ, берутъ ружья

подъ прикладъ и идутъ въ ногу, потому что это единственное средство наступать скоро».

«Въ 1000 шагахъ отъ непріятеля всегда строиться въ двѣ линіи, а потомъ съ музыкой и обыкновеннымъ шагомъ подойти на 300 шаговъ отъ противника; артиллерія всегда становится такъ, чтобы не мѣшать движенію другихъ войскъ, и дѣятельно производить пальбу».

«Въ 300 шагахъ команда: *стой, равняйся, пальба взводами, заряжай, взводъ готовъ, кладь — пли!*»...

«Затѣмъ бить отбой, а когда люди совершенно приготовятся, то командовать:

«*Слушай, атака всѣмъ фронтомъ, ружья на перевѣсъ*».

«Войска берутъ ружья на перевѣсъ и крѣпко держать ихъ въ правой рукѣ».

«*Марш!*».

«Войска трогаются нѣсколько усиленнымъ шагомъ, съ музыкой, съ распущенными знаменами, и когда подойдутъ на 200 шаговъ, то командовать:

«*Маршъ-марш!*»

Войска удваиваютъ шагъ въ разстояніи 100 шаговъ опять командовать :

«*Маршъ-марш!*

«По этой командѣ люди хватаютъ ружья лѣвою рукою и бѣгомъ бросаются на непріятеля съ крикомъ ура».

«Напріятеля надо колоть штыкомъ прямо

въ животъ, а если который штыкомъ не проколеть, то прикладомъ его».

«Во время ученій командовать: *стой!* и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель и которое всегда должно быть обозначено заборомъ и плетнемъ. Господа офицеры должны въ этомъ случаѣ особенно наблюдать, чтобы фронтъ быстро выравнился. Быстрота равненія душа арміи; на мѣстности пересѣченной надобно упражнять въ этомъ войска какъ можно чаще».

«Вторая линія подвигается впередъ сомкнуто и держитъ ружья на плечѣ вслѣдъ за первую, на дистанціи 200 шаговъ, имѣя между баталіонами по 300 шаговъ интервала».

«Кавалерія становится въ третью линію или на флангахъ второй, смотря по обстоятельствамъ, но всегда поэскадронно или подивизионно; во время самой атаки она кидается на непріятеля съ фланга или съ тыла; казаки остаются въ колоннѣ за кавалеріей, преслѣдуютъ непріятеля и окончательно его истребляютъ».

«Этотъ родъ атаки, который я въ особенности рекомендую, долженъ быть сообщенъ фельдмаршаламъ-лейтенантамъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ, для того, чтобы они въ точности слѣдовали ему и упражняли въ этомъ войска, сколько лишь возможно, не утомляя людей».

Изучая эту инструкцію, мы видимъ, что хотя въ основѣ ея лежитъ прежній принципъ

безостановочнаго стихійнаго движенія впередъ, но въ «формѣ» этого движенія произведено довольно существенное измѣненіе. Суворовъ не только удлиняетъ дистанцію, съ которой начинается атака (300 шаговъ вмѣсто 240), но и сама атака ведется иначе. Прежде Суворовъ требовалъ перебѣганія въ 80-ти и 60-ти саженьяхъ отъ непріятеля полось въ 10-15 шаговъ и послѣднихъ 60 шаговъ до свалки. Теперь съ 300 шаговъ до 200 шаговъ войска идутъ ускореннымъ шагомъ, съ 200 до 100 шаговъ «удвоеннымъ шагомъ», и послѣдніе 100 шаговъ — бѣгомъ.

Такимъ образомъ, самая незначительная усовершенствованія огневого боя заставили Суворова соотвѣтственно измѣнить «форму» своей атаки.

Какъ же поступилъ бы Суворовъ теперь, когда пуля изъ дуры сдѣлалась очень умной?

Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ дальности дѣйствительнаго огня во времена Суворова и въ настоящую эпоху:

Дальность дѣйствительнаго огня: пѣхотнаго: въ эпоху Суворова — 100 шаговъ; въ настоящее время — 3.000 шаговъ.

Дальность дѣйствительнаго огня: артиллерійскаго: въ концѣ эпохи Суворова: — 200-300 шаговъ; въ настоящее время — 15.000 шаговъ.

Рѣшеніе Суворова преодолѣть зону дѣйствительнаго огня однимъ броскомъ, придавъ ему стихійный характеръ, является *геніаль-*

нымъ. Но въ современныхъ огневыхъ условіяхъ оно явилось бы *абсурднымъ*. Суворовское рѣшеніе годится только для *последней минуты* атаки, требующей теперь многіе и многіе часы. Въ эти многіе и многіе часы бойцу предстоитъ вести *рѣшающій* бой огнемъ, а для побѣды въ этомъ бою боецъ долженъ вѣрить въ силу своего огнестрѣльнаго оружія, а не презирать его. Эта вѣра въ силу *своего* огнестрѣльнаго оружія вовсе не должна умалять убѣжденіе въ безусловной необходимости для побѣды настойчиваго продвиженія впередъ, дабы дойти до свалки, только во время которой одержанная огневая побѣда можетъ получить окончательное завершеніе (непріятель «взять въ полонъ или сколонъ или срубленъ»).

Косвенное подтвержденіе сказаннаго нами мы можемъ найти въ «Наукѣ побѣждать».

«Баталія въ полѣ, — говоритъ Суворовъ, — линією противъ регулярныхъ, кареями противъ басурмановъ... Есть безбожные, вѣтреные, сумасбродные французишки, они воюютъ на нѣмцевъ и иныхъ колоннами; если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно ихъ бить колоннами же».

Въ этихъ словахъ Суворова мы находимъ совершенно опредѣленное указаніе на *относительность* формъ дѣйствія. Эти замѣчательныя слова написаны Суворовымъ въ эпоху, когда формы фридриховской тактики считались

непреложными. Они замѣчательны еще тѣмъ, что указываютъ, что Суворовъ понималъ и эволюцію военнаго искусства, мысль о которой военная наука начала усваивать лишь въ концѣ XIX вѣка и окончательно усвоила только послѣ минувшей большой войны.

На основаніи этого мы и считаемъ себя въ правѣ утверждать, что непризнаваніе для современной эпохи формы суворовской тактики-натиска и его словъ, что «пуля — дура», вовсе не противорѣчитъ существу ученія Суворова.

Если форма суворовскаго «натиска» для нашихъ временъ устарѣла, то сама идея о томъ, что третьимъ воинскимъ искусствомъ является «натискъ», осталась вѣрной.

Въ самомъ дѣлѣ, мало правильно поставить себѣ задачу (глазомѣръ), недостаточно еще развить наибольшую быстроту въ проведеніи этого рѣшенія въ жизнь (быстрота), нужно еще проявить крайнее напряженіе для того, чтобы добиться рѣшенія въ нашу пользу. На теперешнемъ языкѣ военной науки это принято называть принципомъ сосредоточенія усилій въ рѣшающемъ мѣстѣ въ рѣшающее время.

Поэтому надпись, которую Суворовъ приказалъ выгравировать на саблѣ, подаренной имъ любимому генералу Милорадовичу: «Глазомѣръ, быстрота, натискъ, побѣда», остается попрежнему самой точной и краткой формулировкой военнаго искусства.

О Ч Е Р К Ъ IV-ый.

У Ч Е Н І Е С У В О Р О В А

Военное воспитаніе.

Давно уже обращено вниманіе нашей военной науки на то, что Суворовъ былъ геніальнымъ психологомъ. Большая заслуга въ этомъ принадлежитъ генералу М. И. Драгомирову. Въ рядѣ своихъ работъ онъ указалъ на приемы Суворова, посредствомъ которыхъ онъ воздѣйствовалъ на психику солдата.

Вотъ объясненіе одного изъ нихъ, которое тѣмъ болѣе интересно, что касается совершенно, казалось бы, ничтожнаго предмета. Вопросъ идетъ о солдатскомъ ранцѣ. Вѣсъ его былъ значительный, по самому умѣренному опредѣленію онъ вѣсилъ 20 фунтовъ. И вотъ Суворовъ этотъ ранецъ называетъ, въ своей «Наукѣ побѣждать», какъ мы видѣли въ одномъ изъ прошлыхъ очерковъ, словомъ «вѣтеръ».

«Не трудно понять, пишетъ генераль М.

И. Драгомировъ, чѣмъ лежитъ этотъ вѣтеръ на спинѣ, протаскившей его переходъ. Нужно слѣдовательно расположить солдата не только не задумываться надъ этимъ, и напротивъ, шутить, бодриться, находить, что эта тяжесть ему ни почемъ, что она не тяжелѣе вѣтра. И когда Суворовъ находилъ, что этотъ ранецъ — вѣтеръ, протаскавъ его 7 лѣтъ, то какъ же могъ не находить этого солдатъ, жадно прислушивавшійся ко всякой его остротѣ, замѣткѣ, вѣровавшій въ него, какъ въ Бога? Всякому извѣстно, что одна и та же тяжесть и лишеніе обременяютъ не одинаково: что это зависитъ отъ того настроенія, съ которымъ они принимаются. Стоитъ, на примѣръ, увѣрить себя, при небольшой бѣдѣ, что это несчастье, изъ котораго нѣтъ выхода, — и она дѣйствительно вырастетъ до такихъ размѣровъ, и человѣкъ раскиснетъ, и у него отнимутся руки. Стоитъ, наоборотъ, принимать шутя дѣйствительно тяжелыя положенія, и они не задавятъ человѣка. Суворовъ остротами вродѣ «вѣтра» заставлялъ солдатъ, шутя и весело, смотрѣть на тяжелыя стороны ихъ службы, а кто шутить, кто веселъ, кто не злится, тотъ не падаетъ духомъ».

Подобный пріемъ Суворовъ употребляетъ часто. Многочисленныя свидѣтельства этому можно найти въ его поученіяхъ и приказахъ. Напомнимъ конецъ одного изъ его приказовъ,

отданныхъ имъ передъ сраженіемъ на Треббій*).

«... Чтобы котлы и прочіе легкіе обозы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непріятелю, дабы по разбитіи его можно было каши варить. А, впрочемъ, побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою ...**)

Суворовъ предвидитъ, что вслѣдствіе той форсировки, съ которой онъ ведетъ свои войска къ сраженію на Треббій, обозы запоздають. Указывая на необходимость уменьшенія отяжки обозовъ отъ войскъ, онъ стремится сдѣлать все, чтобы уменьшить это запозданіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подбадриваетъ свои войска и на тотъ случай, когда они останутся на хлѣбѣ и водѣ.

Шутки, съ которыми Суворовъ постоянно обращался къ солдатамъ, представляли собою не столько «чужачества», сколько одинъ изъ излюбленныхъ Суворовымъ способовъ влить веселіе, а съ нимъ и бодрость въ рядового солдата.

Какое громадное значеніе придавалъ Суворовъ «бодрости» видно изъ того, что заканчивая свою «Науку побѣждать» девятью заповѣдями (или какъ онъ самъ называлъ «правилами воинскими»), онъ седьмой изъ нихъ ставитъ «бодрость»; «смѣлость» же и «храбрость» по-

*) Этотъ приказъ былъ полностью приведенъ выше во II-омъ очеркѣ.

***) Курснивъ нашъ.

ставлены на восьмомъ и девятомъ мѣстѣ, т. е. послѣ «бодрости». Психологически это совершенно правильно, ибо бодрость есть длительное состояніе; она есть та психическая основа, безъ которой смѣлость и храбрость могутъ проявляться лишь въ видѣ быстротечныхъ порывовъ.

Въ письмѣ къ своему крестнику Суворовъ пишетъ:

«Достоинства военныя суть: храбрость для солдата, бодрость для офицера, мужество для генерала».

Бодрость для офицера ... потому что офицеръ является ближайшимъ къ солдату интеллигентнымъ начальникомъ; ему легче всего поддерживать бодрость духа среди солдатской массы, могущей прійти въ уныніе изъ-за недостаточнаго осознанія необходимости требуемыхъ отъ нея жертвъ. Придавая первостепенное значеніе сохраненію бодрости духа въ войскахъ, Суворовъ и требуетъ отъ офицера, чтобы онъ самъ прежде всего всегда сохранялъ въ себѣ эту бодрость.

Несомнѣнно, что бодрость духа, такъ же какъ смѣлость и храбрость, въ большой мѣрѣ зависятъ отъ увѣренности въ своихъ силахъ и въ успѣхѣ. Привитіемъ солдату увѣренности въ своихъ силахъ и должна была служить Суворовская «Наука побѣждать» ... «... И сказано ему было (солдату), — пишетъ въ одномъ мѣстѣ Суворовъ, — что болѣе ему ничего знать

не оставалось, только бы выученное не забыть. Такъ былъ онъ на себя и надеженъ — основаніе храбрости ». Психологически интересно обратить вниманіе на самый слогъ Суворовской «Науки побѣждать». Всѣ свои указанія Суворовъ излагаетъ тономъ, недопускающимъ сомнѣній въ побѣдѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ постоянно повторяетъ и въ «Наукѣ побѣждать», и въ поученіяхъ и въ приказахъ:

«Чудеса творять Братцы».

«Богатыри, Непріятель отъ Васъ дрожить».

«... давай намъ десять на одного. Всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ».

Чтобы понять всю силу внушенія, которую получали эти слова по отношенію къ Суворовскому воину, нужно прежде всего понять, какую магическую силу имѣлъ надъ душой своего офицера и солдата Суворовъ. Напомнимъ здѣсь наблюденіе, сдѣланное въ сраженіи на р. Треббии г. Фуксомъ и объясненіе, данное соратникомъ Суворова генераломъ Дерфельденомъ, что этотъ непонятный чудакъ есть какой то талисманъ, который довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обоснована. И вотъ когда такой обожаемый войсками полководецъ, каждое слово котораго читится, какъ Евангеліе, и въ неизмѣнной побѣдоносности котораго нѣтъ сомнѣнія, начинаетъ свои приказы такъ, какъ начинался при-

веденный нами въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ приказъ по Азовскому мушкатерскому полку, отданный наканунѣ штурма Праги: «Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказаль: взять Прагскій ретраншанментъ...», то можно себѣ представить, какую громадную моральную движущую силу получали эти слова... И войска брали крѣпости и на голову разбивали врага въ сраженіяхъ.

Этой, почти неограниченной для него возможностью вселять въ свои войска увѣренность въ побѣдѣ, Суворовъ пользуется мастерски. Въ этомъ отношеніи изученіе его боевыхъ приказовъ представляетъ собой непечатую область для изслѣдователя по коллективной психологій.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ. Это — приказъ, отданный имъ наканунѣ сраженія на Треббій, сраженія, въ которомъ, какъ извѣстно, рѣшительность въ дѣйствіяхъ получала исключительное значеніе.

«Непріятельскую армію взять въ полонъ.

«Вліять твердо въ армію, что ихъ 27 тыс... изъ коихъ только 7 тыс. французовъ, а прочіе всякій сборъ реквизионеровъ.

«Казакъ колоть будутъ, но жестоко бы слушали, когда французы кричатъ будутъ пардонъ, или бить шамадъ.

«Казакамъ самимъ въ атакѣ кричатъ балезармъ, пардонъ, жетелезармъ, и симъ поль-

зуюсь, кавалерію жестоко рубить, а на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

«Казакамъ, коимъ удобно испортить на р. Таро мостъ и тѣмъ зачать отчаяніе; съ плѣнными быть милосердну; при ударахъ дѣлать большой крикъ и крѣпко бить въ барабанъ; музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погонѣ, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ.

«Ихъ генераловъ, особливо казаки и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричатъ пардонъ, а ежели не сдаются убивать».

«Приучай себя къ неутомимой бодрости», поучаетъ Суворовъ племянника въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Но эта «неутомимость» зависитъ въ значительной степени и отъ здоровья. Суворовъ всецѣло раздѣляетъ мысль, выраженную народною мудростью въ пословицѣ: «здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ». Что взглядъ его таковъ, можно убѣдиться изъ того, что въ своей краткой «Наукѣ побѣждать» онъ помѣщаетъ рядъ санитарныхъ указаній. Характерно также и самое мѣсто въ «Наукѣ побѣждать», гдѣ эти указанія поставлены.

Они помѣщены сейчасъ же вслѣдъ за указаніями о «натискѣ». Здѣсь Суворовъ поступаетъ совершенно аналогично съ тѣмъ, какъ онъ

это сдѣлалъ по отношенію къ изложенію своего второго «воинскаго искусства» — быстроты..

Указавъ объ этой послѣдней, онъ переходитъ къ изложенію правилъ совершенія переходныхъ движеній съ соблюденіемъ наибольшаго сбереженія солдатскихъ силъ. Говоря о третьемъ «воинскомъ искусствѣ» — о «натискѣ», т. е. минутѣ максимальнаго проявленія энергіи въ борьбѣ, онъ сейчасъ же переходитъ къ изложенію правилъ сбереженія солдатскаго здоровья.

«Бойся богадѣльни, *)» — говорится въ «Наукѣ побѣждать», — нѣмецкія лекарственницы издалека, тухлая, всплошь безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ. Береги здоровье. Желудокъ коли засорился, голодь лучшее лекарство. Кто не бережетъ людей — офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтеру палочки, да и самому палочки кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хотеться? по закатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлѣбомъ, а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ, или корень коневого щавелю. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ не ѣшь хотя до двѣнадцати дней, а пей солдатскій квасъ — то и лекарство. А

*) «Богадѣльня» — госпиталь. Прим. Н. Н. Г.

въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь, штрафъ — за что себя не берегь».

«Богадѣльни первый день мягкая постель, второй — французская похлебка, третій день ея братецъ домовище*) къ себѣ и тащить. Одинъ умираетъ, а десятеро хлебають его смертный дыхъ. Въ лагеряхъ — больные слабы; хворые — въ шалашахъ, не въ деревняхъ: воздухъ чище. Хоть безъ лазарету и вовсе безъ больныхъ быть нельзя: тутъ не надобно жалѣть денегъ на хорошія лекарства, коли есть гдѣ купить, и сверхъ своихъ и на прочія выгоды безъ прихотей. Да все это неважно; мы умѣемъ себя беречь; гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умереть. Здоровому питье — воздухъ, ѣда больному — воздухъ.»

Отрицательное отношеніе Суворова къ госпиталямъ имѣло большое основаніе. — Напомнимъ читателю картины военнаго госпиталя, нарисованныя кистью графа Л. Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ». Однако, мы думаемъ, что предостереженіе, дѣлаемое Суворовымъ въ «Словесномъ поученіи солдатамъ ...» преслѣдуетъ болѣе глубокую цѣль нежели критику существовавшаго порядка, измѣнить который зависѣло не отъ солдатъ. Цѣль была психологическая — предостеречь солдата отъ уклоненія изъ строя подъ предлогомъ болѣзни. При несовершенствѣ

*) Т. е. гробъ, могила (Н. Н. Г.).

же медицины въ эпоху Суворова бороться съ этимъ зломъ было несравненно труднѣе, нежели теперь.

Но самое важное въ медицинскихъ указаніяхъ Суворова не это. *Важна его основная мысль.* Она заключается въ томъ, что Суворовъ считаетъ, что сбереженіе здоровья должно основываться не столько на леченіи (лекарствахъ), сколько на соблюденіи правилъ гигиены и здороваго режима. Чтобы убѣдиться въ этомъ нужно только заглянуть въ приказы Суворова, отданные имъ во время службы его въ Финляндіи. гдѣ ему пришлось застать войска въ катастрофическомъ санитарномъ состояніи.

При суровомъ климатѣ Финляндіи и обиліи болотъ, солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, хворали особенно много: зимой скорбутомъ, весной и осенью — лихорадками, лѣтомъ поносами и горячками. Госпитали переполнялись, злокачественность ихъ увеличилась и они сдѣлались гнѣздами заразы. Суворовъ эвакуировалъ госпиталю; людей наиболѣе страдавшихъ отъ болѣзней велѣлъ уволить въ отставку, а большинство больныхъ передать въ войсковые лазареты. Въ госпиталяхъ у него остались только больные чахоткой, камнемъ, дурной болѣзью, а также падучей.

Одновременно съ этимъ онъ устраивалъ лазареты, околотки, слабосильныя команды. Достойны вниманія тѣ подраздѣленія больныхъ,

которыя у него практиковались: больные, слабые, хворые, льготные (имѣющіе временную льготу отъ служебныхъ обязанностей). Приказано было, подъ угрозой строгаго взысканія, въ дальніе госпиталя «больныхъ не посылать»: «дорогой они приходятъ въ худшее состояніе и вступаютъ полумертвыми въ смертоносный больничный воздухъ». Давать «слабымъ» льготу и помѣщать на пользованіе «въ особой казармѣ или въ крестьянскихъ домахъ; соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, и прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, поносъ и горячку — голодь, на цыngu — табакъ. Кто чиститъ желудокъ рвотнымъ, слабительнымъ, проноснымъ — тотъ день голодь. Солдатское слабительное — ремень, корень коневого шавеля тоже. Непрестанное движеніе на воздухѣ. Предосторожности по климату — капуста, хрѣнь, табакъ, лѣтнія травы. Минералы-ингредиенціи (аптечныя лекарства) не по солдатскому воспитанію, на то ботаническія средства въ артеляхъ».

Приводящій эти «финляндскіе» приказы Суворова, его біографъ Петрушевскій*) заключаетъ: «Изъ сказаннаго видно, что Суворовъ былъ, что называется, *гигіенистъ*»**)...

Подтвержденій этому заключенію можно уви-

*) «Генералиссимусъ князь Суворовъ», томъ I, гл. XIII, стр. 417.

***) Курсивъ Петрушевскаго.

дѣтъ въ томъ, что въ числѣ 9-ти заповѣдей (воинскихъ правилъ) Суворовской «Науки побѣждать» указаны «Чистота», «Здоровье», «Опрятность».

Это заключеніе, что Суворовъ въ вопросахъ сохраненія физическаго здоровья «гигиенистъ», очень важно для того, чтобы вообще правильно понять Суворова. При цѣльности всего міровозрѣнія Александра Васильевича эта точка зрѣнія очень облегчаетъ намъ пониманіе его системы воспитанія. *Суворовъ «гигиенистъ» и въ вопросахъ духовнаго здравія войскъ.*

Если мы подойдемъ къ пониманію Суворова съ этой точки зрѣнія, намъ станетъ гораздо болѣе понятнымъ, почему Суворовъ наравнѣ съ чисто воинскими качествами, требуетъ отъ солдата быть: — «справедливу, благочестиву, молись Богу, отъ Него побѣда...». Становится также понятнымъ отчего онъ постоянно повторяетъ, что «грѣхъ напрасно убивать», а также «Помилуй Богъ, мы — русскіе».

Вопросъ идетъ не только о томъ, чтобы, если можно такъ выразиться, «морализовать» войну, поднявъ ее надъ уровнемъ простого убійства и разбоя. Вопросъ идетъ о томъ, чтобы «морализовать» сами войска, дѣлая изъ нихъ воиновъ-рыцарей, защищающихъ правое дѣло. Истинная доблесть войскъ, согласно Суворову, можетъ проистекать только изъ чистаго источника.

Исходя из этой точки зрѣнія Суворовъ и предъявляетъ необыкновенно высокія моральныя требованія для всякаго военачальника. Въ этомъ легко убѣдиться, изучивъ его поученія. Вотъ двѣ выдержки изъ такихъ поученій; онѣ взяты: первая изъ его письма къ племяннику, вторая — изъ письма къ крестнику*).

Въ первомъ изъ писемъ Суворовъ указываетъ на тотъ моральный уровень, къ которому долженъ стремиться каждый военачальникъ: «...Отваженъ, но безъ запальчивости... подчиненный безъ униженія, начальникъ безъ излишней на себя надежды, побѣдитель безъ тщеславія, любочестивъ безъ надменности, благороденъ безъ гордости, во всемъ гибокъ безъ лукавства, твердъ безъ упорства, скромнень безъ притворства, основателенъ безъ педантства, пріятенъ безъ легкомыслія, всегда одинаковъ и на все способенъ безъ ухищренія, пронцательнень безъ пронырливости, откровененъ безъ оплошности, услужливъ безъ всякихъ для себя выгодъ; рѣшителенъ, убѣгая извѣстности; основательное разсужденіе предпочитаетъ онъ остроумію; врагъ зависти, ненависти и мщенія; противниковъ своихъ низлагаетъ онъ своимъ снисхожденіемъ, и владычествуетъ надъ друзь-

*) Полный текстъ этихъ писемъ напечатанъ нами въ «Часовомъ» № 26.

ями по своей непоколебимой вѣрности. Онъ утомляетъ тѣло свое, дабы укрѣпить его больше; стыдливость и цѣломудріе въ немъ царствуютъ; Христіанскій Законъ служитъ ему нравоученіемъ его; добродѣтели его суть добродѣтели Великихъ Мужей; исполненъ чистосердечія, гнушается онъ ложью, попираетъ онъ всякое лукавство; его обхожденіе и знакомство съ людьми только добрыми; честь и честность его особенныя качества»...

Во второмъ письмѣ Суворовъ даетъ слѣдующіе совѣты своему крестнику: «Будь чистосердеченъ съ твоими друзьями, умѣренъ въ своихъ нуждахъ и безкорыстенъ въ своемъ поведеніи... Люби истинную славу: отличай любочестіе отъ надменности и гордости. Учись заблаговременно прощать погрѣшности ближнему, и никогда не прощать ихъ самому себѣ. Упражняй тщательно своихъ подчиненныхъ, и во всемъ собою подавай примѣръ... Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ; въ несчастьи не унывай и не отчаивайся... рассматривай и исчисляй со вниманіемъ истинные, сомнительные и ложные предметы; остерегайся временной запальчивости»...

Вотъ какъ высоки тѣ моральныя требованія, которыя Суворовъ предъявлялъ къ офицеру!

Высокій моральный уровень офицерскаго состава нуженъ Суворову, какъ основное усло-

віе для созданія «морально гігієнічнихъ» условій воспитанія солдата въ желательномъ для Суворова духѣ. При этомъ вопросъ заключается не только въ могущественномъ значеніи личного примѣра. Суворовъ смотритъ шире. Офицеръ можетъ и долженъ стремиться къ усовершенствованію прежде всего путемъ самовоспитанія. Вся жизнь самого Суворова должна была служить примѣромъ такой работы надъ самимъ собой. Но по отношенію къ солдату дѣло обстоитъ иначе. Насколько низокъ былъ ихъ культурный уровень свидѣтельствуєтъ слѣдующее письмо Суворова, написанное имъ въ 1779 году Веймарну: «Нѣмецкій, французскій мужикъ знаетъ церковь, знаетъ вѣру, молитвы; у русскаго едва ли знаетъ то его деревенскій попъ; до сихъ поръ мужиковъ въ солдатскихъ платьяхъ учили у меня нѣкіимъ молитвамъ. Тако догадывались и познавали они, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ ними и устремлялись къ честности». — При такомъ уровнѣ, конечно, не могло быть и вопроса о какомъ-либо самовоспитаніи; солдата нужно было воспитывать и непосредственнымъ воспитателемъ его являлся офицеръ. А могъ ли этотъ офицеръ быть хорошимъ воспитателемъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ возвращивалъ «душу» своей арміи Суворовъ, если онъ самъ не достигалъ высокаго моральнаго уровня?

Воинское воспитаніе солдата, согласно вѣр-

ному опредѣленію генерала П. Ольховскаго*) заключается въ соответствующемъ режимѣ (внутренній порядокъ), внушеніи и обученіи.

Мы уже указывали въ первомъ очеркѣ, что къ несчастью не удалось къ настоящему времени сохранить Суворовское «Суздальское учрежденіе», въ которомъ былъ запечатлѣнъ его опытъ командованія полкомъ.

А между тѣмъ для изученія Суворовскаго воинскаго воспитанія солдатъ этотъ документъ представлялъ бы собою исключительную цѣнность, т. к., командуя Суздальскимъ полкомъ, Суворовъ работалъ не только какъ руководитель, но и какъ непосредственный исполнитель. Онъ не гнушался спускаться къ самой черной работѣ; училъ солдата какъ чиститься, обмываться, мыться и тому подобное. — «Знаютъ офицеры, что я самъ то дѣлать не стыдился», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — «Суворовъ былъ и маіоръ и адъютантъ, до ефрейтора; самъ вездѣ видѣлъ, каждыя выучить могъ».

Приходится судить объ Суворовскомъ «режимѣ» лишь по документамъ послѣдующихъ періодовъ.

Въ основу своего воспитательнаго режима, Суворовъ ставилъ дисциплину. Но Суворовское

*) Очень интересныя статьи о воинскомъ воспитаніи, напечатанныя въ ном. 7, 8, 9 «Военнаго Сборника», изд. Рус. Общества Ревн. Воен. Знаній въ Бѣлградѣ.

пониманіе дисциплины существенно отличалось от такого же представленія его современниковъ. На этой почвѣ Суворову пришлось претерпѣть много неприятностей и упрековъ за то, что онъ распускаетъ солдатъ. Въ какомъ то собраніи или, какъ говоритъ Суворовъ, «въ компаніи», высокостоящіе люди осмѣивали и осуждали взглядъ его на дисциплину и субординацію. Упомянувъ про это въ одномъ изъ своихъ писемъ. Суворовъ ѣдко замѣчаетъ, что эти господа «понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацію въ трепетѣ подчиненныхъ».

Суворовъ не былъ поклонникомъ палки, но въ военной службѣ считалъ необходимой строгость и баловство вреднымъ въ высшей степени. Въ приказѣ отъ 28 февраля 1772 года онъ говоритъ: «Въ случаѣ оплошности взыскивать и безъ наказанія не оставлять, понеже ничто такъ людей къ злу не приводитъ, какъ слабая команда. Почему командующему за прегрѣшенія неослабно наказывать, ибо когда послабитъ, то тѣмъ временемъ въ непослушаніи придуть и въ своемъ званіи оплошнѣе учинятся».

Суворовъ любилъ солдатъ, пишетъ Петрушевскій, «и сердцемъ, и головой; во взысканіяхъ съ провинившихся былъ строгъ, но въ оцѣнкѣ вины отличался снисходительностью; былъ отъявленнымъ врагомъ педантства и мелочной требовательности, и не любилъ, чтобы и другіе придирались къ солдатамъ и офицерамъ изъ-за

пустяковъ, на что обыкновенно много охотниковъ. Образчикомъ его взгляда на этотъ предметъ можетъ служить приказъ, отданный по войскамъ въ Италиі, гдѣ онъ проситъ офицеровъ не снимать шляпъ при его появленіи, а взамѣнъ того побольше заботиться о порядкѣ въ войскахъ».

Было бы ошибкой думать, что Суворовъ былъ противникомъ того, что принято называть теперь словомъ «муштрой».

«Суворовъ требовалъ абсолютной тишины въ строю, пишетъ Петрушевскій... Это не было фронтовымъ увлеченіемъ, желаніемъ добиться эффекта тишины: такихъ вкусовъ у Суворова не замѣчается. Вѣрнѣе всего, что его требованіе вытекало изъ соображеній высшаго свойства: солдатъ во фронтѣ, какъ на священнодѣйствіи; онъ слышитъ команду, знаетъ, что ему дѣлать и долженъ исполнить. Передъ нимъ совершается кровавая жертва любви къ отечеству; онъ самъ для нея предназначенъ и долженъ весь принадлежать своему долгу; нѣтъ ни недорозумѣній, ни колебаній, ни сомнѣній; нѣтъ и мысли, которою бы можно было подѣлиться съ товарищемъ; мысль у всѣхъ одна — побѣдить или умереть. Конечно, фронтъ на учебномъ полѣ и фронтъ подъ пулями и ядрами — не одно и то же; но у Суворова мирное упражненіе было насколько то возможно близкой копіей боевого дѣла. Если онъ требовалъ полного

безмолвія фронта въ военное время, то требоваль и въ мирное. А въ военное время онъ этого требоваль и въ дѣйстви, и въ движеніи, «когда палашъ не въ ножнахъ и ружье не по ремню». Приказомъ 1771 года онъ предписываетъ наблюдать, чтобы «никто изъ нижнихъ чиновъ не дерзаль, что среди дѣствій, хотя и тихимъ голосомъ сказать»; такихъ приказываетъ арестовывать или замѣтить «для полученія ему за то достойнаго; если капраль или ефрейтеръ не исполняетъ, то имъ то же самое, а офицеру арестъ».

Строгое требованіе Суворова тишины въ строю имѣеть еще и другой великій смыслъ. Согласно Суворову первымъ воинскимъ правиломъ (заповѣдью) является *Субординація* (послушаніе). А лучшимъ воспитательнымъ приемомъ для приученія къ *субординаціи* являлся во всѣ времена сомкнутый строй. Въ немъ солдатъ привыкаетъ психически сливаться со своими соратниками въ единый живой организмъ, всецѣло подчиняющійся единой волѣ командующаго начальника. Посему и самыя командныя слова Суворовъ настойчиво приказываетъ произносить «весьма громко».

Но само это «подчиненіе» солдатъ волѣ своего начальника не должно истекать изъ трепета передъ начальникомъ. Поэтому Суворовъ требуетъ бодрый внѣшній видъ солдата въ строю, совершенно правильно учитывая,

что привычка къ молодцеватости въ строю неминуемо вызываетъ и бодрое настроеніе, являющееся прямой противоположностью забитости.

«Каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты! — солдатъ стоитъ стрѣлкой!»

Такими словами начинается «Словесное поученіе солдатамъ о знаніи для нихъ необходимомъ» въ «Наукѣ побѣждать».

Сомкнутый строй это есть выраженіе порядка вообще. Въ эпоху же Суворова, кромѣ того, сомкнутый строй являлся основой боевого порядка. Войсковая часть, брошенная въ атаку, въ силу самыхъ психическихъ условій этой послѣдней минуты боя, превращается въ «психологическую толпу» и слѣдовательно разстраивается. Въ своей «Наукѣ побѣждать» и въ своихъ боевыхъ приказахъ Суворовъ постоянно напоминаетъ войскамъ о необходимости сейчасъ же послѣ натиска возстановливать строй. Въ приведенной въ предыдущемъ очеркѣ инструкціи, отданной для обученія Австрійской арміи въ Италіи, онъ говоритъ даже такую фразу: «быстрота равненія есть душа арміи»...

Вотъ почему Суворовскія требованія къ равненію, къ соблюденію размѣровъ шага, интерваловъ опредѣленны и строги.

«Четвертаго вижу, пятаго не вижу»*), говорится въ началѣ «Науки побѣждать»; военный

*) Правила равненія.

шагъ ,аршинъ, — въ захожденіи полтора аршина — Береги интервалы. — Солдаты во фронтъ на шагъ строятся по локтю. — Шеренга отъ шеренги три шага; въ маршъ два; — барабаны не мѣшай!».

Если мы вдумаемся го все вышеизложенное, то мы увидимъ, что требуемая Суворовымъ «муштра» была совсѣмъ другой, чѣмъ прусская муштра, поклонникомъ которой былъ Павелъ I-й. Прусская муштра стремилась выбить изъ солдата всякую волю, для того, чтобы обратить его въ бездушную частицу общаго механизма. Посему въ обученіи мирнаго времени она заходила далеко за предѣлы, требуемые боемъ, стремясь создавать чисто внѣшнее плацъ-парадное единообразіе.

У Суворова, какъ мы видѣли, все истекаетъ исключительно изъ требованій, предъявляемыхъ успѣшнымъ веденіемъ войны; и дальше этихъ требованій онъ не идетъ, дабы не «сломать» индивидуальныя воли своихъ подчиненныхъ.

Велико различіе и въ основномъ методѣ Суворовскаго воспитанія солдата. Суворовская «Наука побѣждать» всегда обращается къ сознанию солдата и только черезъ это сознание стремится вроси въ его подсознаніе, для того чтобы въ тѣ минуты опасности, когда разсудокъ мутится, найти опору для желательныхъ дѣйствій въ рефлексъ. Въ этомъ отношеніи Суворовская

система воспитанія вполнѣ отвѣчаетъ современному пониманію военнаго воспитанія, которое, по мѣткому опредѣленію ген. Боналя, представляеть собой «l'art de faire passer le conscient dans inconscient».

Являясь геніальнымъ психологомъ, Суворовъ, учитывая великое значеніе «обряда» для духовнаго міра русскаго простолюдина, создаетъ своего рода ритуаль, при посредствѣ котораго внушаемая разуму солдата Суворовскія «воинскія правила» прочно вросли въ его подсознаніе.

Наиболѣе характернымъ примѣромъ этого метода можетъ служить слѣдующее.

По окончаніи каждаго развода, согласно «Наукѣ побѣждать», требовалось, чтобы старшій начальникъ командоваль:

«Къ паролю. Съ обѣихъ крыль часовые впередъ. — Ступай. — На карауль».

«По отдачѣ генералитету или инымъ пароля, лозунга и сигнала слѣдуетъ похвала или въ чемъ хула разводу, потомъ громогласно:

«Субординація (послушаніе), экзерциція (обученіе), дисциплина (орденъ воинскій), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда. Слава, слава, слава».

Это перечисленіе девяти воинскихъ добродѣтелей ведущихъ, согласно Суворову, къ по-

бѣдѣ, должно было также читаться каждый день войскамъ, выстраивавшимся для вечерней молитвы.

«Темный коридоръ старой бревенчатой казармы. Поздній вечеръ. Барабанъ только что пробилъ вечернюю зорю. Масляныя чадящія лампы едва разгоняютъ сумракъ. Въ ихъ свѣтѣ тяжелыми и грубыми кажутся шеренги вытянувшихся на перекличку солдатъ. Тускло мерцаютъ мѣдныя Екатериненскія каски. Тамъ намѣтится плечо кафтана, тамъ край тяжелаго сапога. Люди устали за день экзерцицій, муштровки и караула, люди промерзли на русскомъ морозѣ. Вѣско, медленно и тяжело, точно удары молота по наковальнѣ, бьютъ слова, упадая на душу чеканящими ударами. Ихъ вычитываетъ офицеръ по Суворовскому наказу. Капраль держитъ ночникъ надъ листкомъ съ приказомъ...

— Субординація... экзерциція... дисциплина... Чистота... здоровье... опрятность... Бодрось... смѣлость... храбрость... Побѣда... Слава... слава, слава...»*)

Такъ вростали въ солдатскую душу Суворовскія заповѣди.

Какъ жаль, что этотъ замѣчательный по своему обрядъ гюслѣ смерти Суворова былъ забытъ.

*) Ген. Красновъ: «Душа Арміи», стр. 114, 115.

Правильно понять Суворова можно только при условіи Суворовскаго же правила «смотрянія на дѣло въ цѣломъ». Поэтому отъ Суворовскаго ученія нельзя отдѣлить Суворовское житіе. А тогда на первое мѣсто ярко выдвинется выводъ: побѣда основывается прежде всего на громадной, длительной работѣ надъ собой. Наука побѣждать есть прежде всего наука побѣды надъ собой.

Пусть сбудутся же заключительныя слова той народной легенды, изложеніемъ которой мы закончили нашъ первый очеркъ, такъ же какъ уже сбылось, къ несчастью, предсказаніе этой легенды о томъ, что русская земля покроется кровью по щиколотку коню. Пусть проснется духъ нашего стараго полководца въ сердцахъ русской молодежи и тогда спасется земля наша.

I.

«НАУКА ПОБѢЖДАТЬ»

Примѣчаніе: «Наука побѣждать» состоитъ изъ двухъ частей: изъ ученія передъ разводомъ (вахтъ-парадъ) и изъ словеснаго поученія солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ. Разница между ними та, что первое есть описаніе дѣйствительнаго ученія, второе же представляетъ собой теорію военнаго дѣла. Оба эти отдѣла изложены не въ повѣствовательномъ тонѣ, а, если можно такъ выразиться, показаны въ дѣйствіи. Отъ этого съ перваго взгляда кажется, будто Суворовъ повторяется: однѣ и тѣ же фразы попадаются въ обоихъ отдѣлахъ. Но въ сущности повторенія тутъ нѣтъ, такъ какъ первый отдѣлъ представляетъ исполненіе строевого устава на дѣлѣ, между тѣмъ, какъ второй есть наставленіе относительно всего воинскаго искусства, а слѣдовательно и уставной части его. Эту разницу необходимо постоянно помнить, читая «Науку побѣждать».

Понимая психологію среды, для которой онъ писалъ, т. е. простолюдиновъ, которые больше любятъ дѣлать, чѣмъ говорить, понимая то, что чѣмъ у военнаго человѣка слово ближе къ дѣлу, тѣмъ лучше, — Суворовъ изложилъ и второй отдѣлъ въ формѣ краткихъ, энергичныхъ приказаній, всегда обращая ихъ во второмъ лицѣ къ солдату, а не высказывая безлично, какъ то принято въ общихъ наставленіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ способъ изложенія

дасть всему наставленію характеръ сборника поговорокъ, которыя такъ легко удерживаются въ памяти и которыя такъ доступны уму и сердцу простаго человѣка.

ВАХТЪ - ПАРАДЪ .

Отъ онаго главное вліяніе на обученіе.

1. *Исправсья! бей сборъ! ученье будетъ!* *) Приемы и повороты по командѣ, по флигельману, по барабану.

2. *Пальба будетъ! заряжай ружье!* Плутонгами, полудивізіонами, дивізіонами. При заряданіи приклада на землю не ставитъ. Отскакиваетъ шомполь: пуля не крѣпко прибита.

Наблюдать косою рядъ; прикладъ крѣпко упереть въ сгибъ праваго плеча, стволъ бросить на лѣвую ладонь, пуля бьетъ въ поль-человѣка; примѣрно; можно и съ порохомъ; ружья чистить между часовъ; выстрѣлить между одного и двухъ патроновъ.

3. *Наступными плутонгами зачинай!* Отбою нѣтъ; сигналъ барабана походъ, выстрѣля отъ одного до двухъ патроновъ.

4. *Аттакуй первую непріятельскую линію въ штыки; ура!* Взводные командиры: *коли: коли!* ря-

*) Слова, напечатанныя въ текстѣ въ разбивку (курсивомъ), суть командныя (Н. Н. Г.).

довые *ура!* громогласно. Краткій отбой.

Непріятельская кавалерія скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ. *А т т а к у й*. Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку (случится, что попадетъ штыкъ въ морду, въ шею, особливо въ грудь лошади). Краткій отбой.

А т т а к у й в т о р у ю н е п р і я т е л ь с к у ю л и н і ю, или резервы непріятельскіе, *а т т а к у й!* Отбой; симъ кончится.

5. Третья — сквозная атака. Линія равняется вмгъ впередъ! никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

6. *С т у п а й!* повзводно, полудивизионами, или дивизионами. На походѣ плутонги вздваивають въ полудивизионы или сіи ломають на плутонги. Солдатскій шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора шага. Начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колѣна; его смѣняетъ музыка, играетъ полный походъ (маршь), паки барабанъ; такъ смѣняются между собою. Бить и играть скорѣе: оттого скорѣе шагъ.

Интервалы *) между взводомъ весьма соблюдать, дабы, пришедъ на прежнее мѣсто, при командѣ *с т о й!* всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію.

7. *В т о р а я* (или первая) *п о л о в и н а л и н і и п о р я д а м ъ н а л ѣ в о* (или направо) *с т у п а й н а а т т а к у!* У сей **)

*) Т. е. дистанціи (Н. Н. Г.).

***) Команды (Н. Н. Г.).

барабанъ фельдмаршъ. Заходить противъ части, стоящей на мѣстѣ, изъ картечнаго выстрѣла вонъ. *Ступай!* Походъ во всѣ барабаны. На 80-ти саженьяхъ отъ противнаго фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ чрезъ картечную черту полевой артиллеріи; на 60 саженьяхъ тожь, чрезъ картечную черту полковой артиллеріи. А на 60 шагахъ вѣрной черты пуль.

Ступай! Ступай! въ штыки! ура! противная линія встрѣчаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи, а на 30 шагахъ ударить сама въ штыки. Съ обѣихъ сторонъ сквозная атака.

8. Равно сему другая линейная атака; обѣ части на прежнихъ мѣстахъ.

Такожь отдѣленная часть заходить колонною для деплояды фронта, ежели есть мѣсто.

9. Обѣ части дѣлають колонны, по числу людей въ разводѣ въ одну или двѣ колонны *).

А такъа будетъ колоннами ступай! Барабанъ бьетъ маршъ на 60 шагахъ одни отъ другихъ. *Ступай, ступай, а такъуй въ штыки! ура!* мушкетъ въ правой рукѣ на перевѣсѣ, колонны между собою быстро примѣрно колютъ. «

10. *Колонны строй каре! стрѣлки стрѣлай въ ранжиръ; плу-*

*) Т. е. каждая изъ противныхъ сторонъ строить одну или двѣ колонны, смотря по числу людей (Н. Н. Г.).

тонгами зачинай! Здѣсь кареи на мѣстѣ, стрѣлки бьютъ наѣздниковъ и набѣгающихъ турокъ, особливо чиновниковъ. Плутонги палятъ въ ихъ толсты. Пальба должна быть кратка, ибо тутъ дѣло больше картечь. Потомъ бросаются колоть.

Ступай! Ступай! Атакуй! въ штыки! Ура! что воображается сквозною атакою.

Стрѣлки впередъ; докалывай, дострѣливай, бери въ полонъ! На оставшихъ басмурманъ между кареевъ. Барабанъ краткій сборъ. Стрѣлки въ свои мѣста.

11. *Кареи строй колонны!* исполненіе тожъ какъ выше о колоннахъ.

12. *Колонны строй кареи, кареи маршъ!*

Ступай, ступай, атакуй въ штыки, ура! Здѣсь безъ пальбы; атака прежняя.

12. *Кареи строй, линіи маршъ;* а заходившей части, по разсмотрѣніи, вмѣсто линіи въ колонну или по четыре ряда. Команда оной: *по рядамъ или по четыре направо или налѣво;*

Ступай на прежнее мѣсто! *Строй фронтъ.* Барабанъ фельдмаршъ.

Сіи основательны маневры, марши и эво-

люціи равны въ баталіонахъ, полковыхъ и корпусныхъ экзерциціяхъ.

14. Начальникъ можетъ требовать баталіонаго огня? — Исправный прикладъ править пальбою, здѣсь онъ разстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбѣ онъ виденъ; одиночка пальбы на баталіи выйдетъ сама собою: для сбереженія пули тутъ на каждомъ выстрѣлѣ всякій своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить.

15. Залпъ. Въ разводѣ коли съ пальбою, для очищенія ружей; въ иномъ строю только для исправности приклада. Противъ непріятеля не годится; оный можетъ сколоть и порубить, пока опять заряжаютъ.

16. Наступные плутонги только для движенія, но и противъ непріятеля сія ломанная лінія не годится. Онъ ее, особливо кавалерією, и малою, изрубить можетъ.

17. Можетъ начальникъ спросить отступныхъ плутонговъ? Лучше о нихъ и не помышлять: вліяніе ихъ солдату весьма опасно, ниже о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить.

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНІЕ СОЛДАТАМЪ, О ЗНАНІИ ДЛЯ НИХЪ НЕОБХОДИМОМЪ.

Примѣчаніе. Это поученіе говорилось послѣ каждаго развода штабъ-офицерамъ того полка, отъ котораго разводъ, наизусть, въ присутствіи

всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ (Н. Н. Г.).

Каблуки сомкнуты, подколки стянута, солдатъ стоять стрѣлкой! четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военный шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина. Береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ на шагу строится по локтю; шеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко, штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишурится, штыкъ не обмишурится; пуля дура, а штыкъ молодецъ! Коли одинъ разъ! бросай басурмана со штыка! мертвъ на штыкъ, царапаетъ саблю шею.

Сабля на шею! отскокни шагъ, ударь, коли другого, коли третьяго! богатырь заколетъ полдюжины, а я видалъ и больше. Береги пулю въ дулъ; трое наскочатъ — перваго заколи, втораго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ! Это рѣдко, а заряжать неколи; въ атакѣ не удержи-вай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень: на человекъ пуль двадцать купи свинцу, изъ экономіи немного стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно, у насъ пропадаетъ тридцатая пуля, а по полевой и по полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь — летить сверхъ головы! пушки твои! люди твои! вали на мѣстѣ, гони, коли! остальнымъ давай пощаду! Грѣхъ напрасно убивать; они такіе-жъ люди. Умирай за домъ Богородицы! за Матушку! За Пресвѣтлѣйшій домъ! Церковь Бога молить. Кто останется живъ, тому честь и слава.

Обывателя не обижай, онъ насъ поить и кормить; солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь — все ваше; возьми крѣпость все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ инаго, дѣлили золото и серебро пригоршнями. Такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Въ баталіи полевой три атаки: въ к р ы л о , которое слабѣе. Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ; это немудрено! солдатъ проберется и болотомъ; тяжело черезъ рѣку, безъ мосту не перебѣжишь. Шанцы всякіе перескочишь. Атака въ середину невыгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша; только для меньшаго корпуса, а армію заходить тяжело.

Б а т а л і я в ъ п о л ѣ : линією противъ регулярныхъ, кареями противъ басурманъ колоннъ нѣтъ, а можетъ случиться и противъ Турковъ, что пятисотному карею надлежать будетъ прорвать 5-ти или 7-ми-тысячную толпу съ помощью фланговыхъ кареевъ. На тотъ случай брссится онъ въ колонну; но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтреные,

сумасбродные французишки, они воюють на нѣмцовъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами-жь.

Б а т а л і я н а о к о п ы — на основаніи полевой: ровъ не глубокъ, валъ не высокъ! бросься въ ровъ, скачи черезъ валъ, ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ! помни отрѣзывать; тутъ подручныя *) конницы. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота; да тутъ были тройные и большіе окопы и цѣлая крѣпость: для того атаковали колоннами.

Ш т у р м ь **). Ломи чрезъ засѣкъ, бросай плетни чрезъ волчьи ямы, быстро бѣги; прыгай чрезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы, стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ; колонны лети чрезъ стѣну на валъ, скаливай, на валу вытягивай линію; карауль къ пороховымъ погребамъ; отворяй ворота конницѣ; непріятель бѣжитъ въ городъ — его пушки обороти по немъ. Стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо: недосугъ за этимъ ходить. Приказъ: спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ; конница руби. Въ дома не ходи, а бей на площадяхъ. Штурмуи, гдѣ

*) Т. е. сподручныя (Н. Н. Г.).

***) Укрѣпленія, усиленнаго засѣками или волчьими ямами впереди рва, палисадомъ на прикрытомъ пути. Въ текстѣ это не пояснено, ибо, судя по свидѣтельству Дюбокажа, это зналъ всякій солдатъ изъ практики. (Н. Н. Г.)

непріятель засѣлъ; занимай площадь, ставь гауптвахтъ, разставляй вмигъ пикеть къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался — пощада! стѣна занята — на добычь.

ТРИ ВОИНСКІЯ ИСКУССТВА.

Первое — глазомѣръ, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить.

Второе — быстрота. Походъ полевой артиллеріи отъ полу до версты впереди, чтобы спускамъ и подъемамъ не мѣшала. Колонна сближится; оная опять выиграетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы для узкаго мосту, для водяныхъ и болотныхъ мѣсть по тропинкамъ; и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми, — десятокъ отмахалъ! первый взводъ снимай вѣтры,*) ложись! за нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ: первая заднихъ не жди. Линія въ колоннѣ на походъ растянется, коли по четыре, то въ полтора, а порядкомъ — вдвое. Стояла на шагу, идетъ на двухъ; стояла на од-

*) Т. е. ранцы (Н. Н. Г.)

ной верстѣ, растянется на двѣ; стояла на двухъ — растянется на четырехъ! то досталось бы первымъ взводамъ ждуть послѣднихъ полчаса по пусто-му. На первомъ десяткѣ отдыхъ часъ. Первый взводъ спрыгнулъ, надѣлъ вѣтры, бѣжить впередъ десять, пятнадцать шаговъ (а на маршѣ, прошедь узкое мѣсто, на гору или подъ гору отъ 15 и до 50 шаговъ). И такъ взводъ, за взводомъ, чтобы задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ! отбой; отдыхъ часъ и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса, или и четверть часа, чтобы ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашѣ. Это для пѣхоты.

Конница своимъ походомъ впередъ; съ коней долой! отдыхаетъ мало и свыше десятка, чтобы дать конямъ въ лагерѣ выстояться. Кашеварныя повозки впередъ съ палаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельный староста: къ кашамъ.

На завтракъ отдыхъ четыре часа; тожъ самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, котлы, съ припасомъ, снарованы къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

При сей быстротѣ и люди не устали, непріятель насъ не чаеть, считаетъ насъ за 100 верстъ, а коли издалека, то на 2, 3 стахъ и больше: вдругъ мы на него какъ снѣгъ на голову. Закружится у него голова! Атакуй съ чѣмъ Богъ пос-

лалъ! Конница начинай! руби, коли гони, отрѣзывай, не упускай! Ура! чудеса творять братцы.

Третье — натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ, въ пальбѣ много людей гибнетъ: у непріятеля тѣ же руки, да русскаго штыка не знаетъ! Вытяни линію — тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ! Недосугъ вытягивать линіи — подвигъ изъ закрытаго изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота — въ штыки; конница тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ. Картечь чрезъ голову, пушки твои; обыкновенно кавалерія врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ; только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на поводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ конница гони, руби! конница займется *), пѣхота не отстанетъ; въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы, передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ.

Бойся богадѣльни! **). Нѣмецкія лекарственницы издалека, тухлыя, вплошь безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ! береги здоровье! чисти желудокъ коли засорился, голодъ лучшее лекарство! кто не бережетъ людей — офицеру

*) Т. е. если конница остановлена (Н. Н. Г.)

**) Госпиталь.

арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, а самому палочки кто себя не бережетъ. Жидокъ въ желудокъ, ѣсть хочется? по закатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлѣбцомъ, а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ, или корень коневьяго щавелю. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ не ѣшь хотя до двѣнадцати дней, а пей солдатскій квасъ — то и лекарство! А въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь, штрафъ! за что себя не берегь!».

Богадѣльни первый день мягкая постель, второй — французская похлебка, третій день ея братецъ домовище *) къ себѣ и тащить! одинъ умираетъ, а десятеро хлебаютъ его смертный дыхъ. Въ лагерь — больные слабы; хворые — въ шалашахъ, не въ деревняхъ: воздухъ чище. Хоть безъ лазарету и вовсе безъ больныхъ быть нельзя: тутъ не надобно жалѣть денегъ на хорошія лекарства, коли есть гдѣ купить, и сверхъ своихъ и на прочія выгоды безъ прихотей. Да все это неважно; мы умѣемъ себя беречь; гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье — воздухъ, ѣда больному — воздухъ.

Богатыри! непріятель отъ Васъ дрожить; да есть непріятель больше богадѣльни! Проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка,

*) Т. е. гробъ, могила (Н. Н. Г.).

лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжлива, безтолковка, кличка, чтобъ безтолково выговаривать, край прикакъ, а фокъ, вайркахъ, рокъ-адъ и прочее стыдно сказать. Отъ немогузнайки много, много бѣды!

Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву; молись Богу! Отъ Него побѣда. Чудо-богатыри! Богъ насъ водить. Онъ намъ генераль.

За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма; дѣло мастера боится; и крестьянинъ не умѣетъ сохою владѣть — хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ: давай намъ шесть! давай намъ десять на одного! всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ! Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто; онъ искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе; господа офицеры, какой восторгъ!

По окончаніи развода фельдмаршалъ самъ командуетъ: къ паролю! — Съ обѣихъ крыль часовые впередъ! — Ступай! на карауль!

По отдачѣ Генералитету или инымъ пароля,

лозунга и сигнала, слѣдуетъ похвала, или въ чемъ хула разводу. — Потомъ громогласно:

Субординація,
Экзерциція,
Дисциплина,
Чистота,
Здоровье,
Опрятность,
Бодрость,
Смѣлость,
Храбрость,
Побѣда! —
Слава, Слава, Слава!

II.

Приказы и инструкціи Суворова по обученію авст- рійской арміи въ 1799 году.

А. П Р И К А З Ы .

I.

Обучаться пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на пѣхоту, пѣхотѣ на кавалерію. Пѣхота, стоя на мѣстѣ, стрѣляетъ по наступающей пѣхотѣ съ 60 шаговъ, а на 30 сама бросается въ штыки. Въ атакѣ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Употреблять всегда шагъ военный въ аршинъ*), въ захожденіи полтора аршина сблизившись съ непріятельскою пѣхотою на 80 сажень — пробѣжать впередъ до 15 шаговъ, а кавалерія — карьеромъ на 30 сажень

*) Вслѣдствіе увлеченія красотою учебныхъ шаговъ, тогда уменьшили мѣру шага до $3/4$ аршина, по мирнымъ уставамъ. Вотъ причина, почему Суворовъ часто напоминаетъ мѣру военнаго шага. (Н. Н. Г.)

чрезъ картечную черту тяжелой артиллеріи, чтобъ летѣла картечь сверхъ головы; то же самое на 60 сажень противъ полковой артиллеріи. Черта вѣрнаго ружейнаго выстрѣла 60 шаговъ; разстояніе это уже пробѣгутъ со штыками. На томъ же основаніи дѣйствуетъ и кавалерія.

II.

Въ строю становится по локтю. Повороты и деплоированіе въ обыкновенныхъ случаяхъ дѣлать скорымъ шагомъ.

Движеніе производитъ въ колоннѣ повзводно справа или слѣва шагъ въ аршинъ, при захожденіи полтора.

Фронтъ выстраивать захожденіемъ повзводно.

Готовься къ атакѣ! — тутъ пальба взводами недолго.

По командѣ готовься! люди задней шеренги отскакиваютъ въ сторону вправо и становятся въ двѣ шеренги а потомъ вскакиваютъ опять на прежнее мѣсто. Всѣмъ этимъ заниматься недолго.

По сигналу маршъ! впередъ! линіи двигаются полнымъ шагомъ и живо. Ружье въ правую руку! Штыки держать вкось безъ помощи ремня. — Какъ дойдетъ до рукопашнаго если на кавалерію — то колоть штыкомъ и лошадь и человѣка; если на пѣхоту

то штыкъ держать ниже и ближе обѣими руками. На 80 сажень картечный выстрѣлъ изъ большихъ орудій пѣхота пробѣжитъ впередъ до 15 шаговъ; то же самое — на 60 саженьяхъ, когда картечь изъ малыхъ пушекъ: непріятельская картечь летитъ сверхъ головы.

Когда линія въ 60 шагахъ отъ непріятели — офицеры съ фланговъ выбѣгаютъ впередъ: «ура Франць!» рядовые впередъ — и непріятели колятъ... Тутъ уже только кровь!

III.

Штыкомъ можетъ одинъ человекъ заколотъ трехъ, гдѣ четверыхъ: а сотня пуль летитъ на воздухъ. Казаки должны всегда держаться за кавалеріей; ихъ быстрота довершаетъ побѣду... и какъ только непріятель сбитъ, то ни одинъ человекъ не спасется.

Быстрота и натискъ душа настоящей войны. Бѣгущаго непріятели истребляетъ одно преслѣдованіе.

Побѣдителю прилично великодушіе. Бѣгущій непріятель охотно принимаетъ п а р д о н ъ . Смерть или плѣнь — все одно.

Пища поддерживаетъ силы человека; въ случаяхъ особенныхъ надобно довольствоваться малымъ. Кавалерія сама снабжаетъ себя фуражемъ.

IV.

Казаковъ надобно ставить вслѣдъ за пѣхотою, полками или сотнями, чтобы немедленно преслѣдовать непріятеля, лишь только начнетъ отступать.

Въ боевомъ порядкѣ казаки должны строиться, смотря по мѣстности, малыми или крупными частями, или позади линіи, или по флангамъ. Какъ только непріятельская линія сбита, казаки по своей быстротѣ отлично преслѣдуютъ и въ особенности забираютъ плѣнныхъ. Иногда должны они кричать непріятелю: п а р д о н ъ ! п а р д о н ъ !

V.

Когда непріятель бѣжитъ, то его провожаютъ ружейнымъ огнемъ. Онъ не стрѣляетъ, не прикладывается, не заряжаетъ. Много неудобствъ спастись бѣгствомъ.

Когда же за нимъ штыки, то онъ еще рѣже стрѣляетъ, а потому не останавливаться, а ускорять его бѣгство штыками.

День готовится къ маневрамъ. Съ утра упражняться штыками и саблями. По временамъ производить натискъ пѣхотѣ противъ пѣхоты, кавалеріи противъ кавалеріи; поодиночкѣ, повзводно, ротами, эскадронами, баталіонами, полками, какъ признается удобнѣе. — Особенно же слѣдуетъ беречь лошадей, человѣкъ лучше отдыхаетъ.

VI.

Битва между двумя арміями на штыкахъ бѣлымъ оружіемъ.

Въ каждой изъ линій, а частью и въ резервѣ, должны быть значительные интервалы. Конная артиллерія стрѣляетъ смѣло, наступая, совершенно независимо отъ направленія линій. Конная артиллерія скачетъ впередъ какъ сама хочетъ. — Въмѣсто разсыпанныхъ застрѣльщиковъ въ каждомъ капральствѣ имѣть по 4 хорошихъ стрѣлка. Они стрѣляютъ въ ранжирѣ (въ своемъ ряду и въ шеренгѣ); а могутъ также нѣсколько и выбѣгать впередъ. Только не терять напрасно пуль.

Когда обѣ противныя арміи находятся въ разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, то атакующія линіи идутъ на противника. Подойдя на 80 сажень, т. е. къ чертѣ хорошаго картечнаго выстрѣла, — до того линіи шли скорымъ шагомъ въ аршинъ и даже въ полтора, — бѣгутъ впередъ до 15 или 30 сажень отъ непріятельскихъ пушекъ, чтобы картечь летѣла сверхъ головы; тоже самое начинать съ 60 сажень или 180 шаговъ предъ полковыми орудіями: послѣдніе 60 шаговъ отъ непріятельскаго фронта, то есть разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла пробѣгаютъ со штыками, —

*) Т. е. держа на руку (Н. Н. Г.).

колоть, кричать: *vivat Franz!* — а оберъ и унтеръ-офицеры: *коли! коли!*

Армія, стоящая на мѣстѣ, открываетъ дѣйствіе пушками. — Ружейный огонь плутонами начинается съ 60 или 80 шаговъ, а когда противникъ подойдетъ на 30 шаговъ, то стоящая армія сама двигается впередъ и встрѣчаетъ атакующаго армію штыками. Штыки держатъ плоско правою рукою, а колоть съ помощью лѣвой. — При случаѣ не мѣшаетъ и прикладомъ въ грудь или по головѣ.

Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозь пѣхоту и кавалерію; кавалерія — сквозь пѣхоту и кавалерію; а какъ только всѣ прошли насквозь, — строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать: *стой!* — Заднія линія проходитъ сквозь переднюю, и на лѣво кругомъ. — Кавалерія по четыре на лѣво кругомъ. — Тутъ уже стануть на заднюю шеренгу.

Тотъ же самый маневръ повторяется. Армія, которая прежде была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ; а стоявшая прежде — теперь атакуетъ — и тоже самое наблюдается. — *Vinc* *).

Не худо сказать солдатамъ какую нибудь сильную рѣчь, и затѣмъ — по домамъ.

*) Побѣди (Н. Н. Г.)

VII.

Планъ операціонный: въ главную квартиру, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ. Вездѣ расчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое.

Недовольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.

Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простаго воина; притомъ нужно дать нѣкоторое понятіе о возвышеніяхъ (горахъ).

Б . И Н С Т Р У К Ц И Я .

Италянская армія обязана большею частью побѣдъ своихъ быстрому наступленію и сомкнутымъ атакамъ въ штыки; а потому всѣ господа генералы должны на каждой дневкѣ упражнять ввѣренныя имъ войска въ дѣйствіяхъ этого рода.

Въ отдаленіи отъ непріятеля въ походѣ идти рядами, потому что для нижнихъ чиновъ это легче и удобнѣе. На каждую нѣмецкую милю (7 верстѣ) часть отдыха, а если весь переходъ мили $3\frac{1}{2}$ и до 5, то подъемъ въ 2 часа утра: вьючныя лошади съ котлами и мясомъ посылаются впередъ, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержанія ихъ силъ.

Въ разстояніи около часа отъ непріятеля выстраиваются взводы, а лишь только подойдутъ подъ пушечный выстрѣлъ, берутъ ружья подъ прикладъ и идутъ въ ногу, потому что это единственное средство наступать скоро.

Въ 1.000 шагахъ отъ непріятеля всегда строиться въ двѣ линіи, а потомъ съ музыкой и обыкновеннымъ шагомъ подойти на 300 шаговъ отъ противника; артиллерія всегда становится такъ, чтобы не мѣшать движенію другихъ войскъ и дѣятельно производить пальбу.

Въ 300 шагахъ команда: *стой! равняйся! пальба взводами! заря-*

*жай! взводъ готовсь! кладсь —
или!*

Затѣмъ бить отбой, а когда люди совершенно приготовятся, то командовать:

*Слушай! а така в сѣмъ фронтѣ
ружья на перевѣсь!*

Войска берутъ ружья на перевѣсь и крѣпко держать ихъ въ правой рукѣ.

Маршъ!

Войска трогаются нѣсколько усиленнымъ шагомъ, съ музыкой, съ распущенными знаменами, и когда подойдутъ на 200 шаговъ, то командовать:

Маршъ - Маршъ!

Войска удваиваютъ шагъ: въ разстояніи 100 шаговъ опять командовать:

Маршъ - Маршъ!

По этой командѣ люди хватаютъ ружья лѣвою рукою и бѣгомъ бросаются на непріятеля съ крикомъ ура!

Непріятеля надо колоть штыкомъ прямо въ животь, а если который штыкомъ не приколотъ, то прикладомъ его.

Во время ученій командовать *стой!* и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель и которое всегда должно быть обозначено заборомъ или плетнемъ. Господа офицеры должны въ этомъ случаѣ особенно наблюдать, чтобы фронтъ быстро выровнялся. Быстрота равненія есть душа арміи

на мѣстности пересѣченной; надобно упражнять въ этомъ войска какъ можно чаще.

Вторая линія подвигается впередь сомкнуто и держитъ ружья на плечѣ вслѣдъ за первую, на-дистанціи 200 шаговъ, имѣя между баталіонами по 300 шаговъ интервала.

Кавалерія становится въ третью линію или на флангахъ второй, смотря по обстоятельствамъ, но всегда поэскадронно или подивизионно; во время самой атаки она кидается на непріятеля съ фланга или съ тыла. Казаки остаются въ колоннѣ за кавалеріей, преслѣдуютъ непріятеля и окончательно его истребляютъ.

Этотъ родъ атаки, который я въ особенности рекомендую, долженъ быть сообщенъ фельд-маршалъ-лейтенантамъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ, для того, чтобы они въ точности слѣдовали ему и упражняли въ этомъ войска сколько лишь возможно, не утомляя людей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОЧЕРКЪ I-й.	Житіе Суворова	7
ОЧЕРКЪ II-й.	Ученіе Суворова; «Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ»	33
ОЧЕРКЪ III-й.	Ученіе Суворова; «Глазомъръ, быстрота и на- тискъ»	53
ОЧЕРКЪ IV-й.	Ученіе Суворова; «Военное воспитаніе»	84

ПРИЛОЖЕНІЕ:

1.	«Наука побѣждать»	108
2.	Приказы и инструкціи Су- ворова по обученію австрійской арміи въ 1799 году	123

ИЛЛЮСТРАЦИИ :

Портрет Суворова	7
Офицерскій крестъ за взятіе Изманла	14
Офицерскій крестъ за взятіе Праги	16
Свѣтелка Суворова	18
Памятникъ сподвижникамъ Суворова у Чор- това моста	22
Могила Суворова	30
Письмо Суворова къ дочери	32
Французскій автографъ Суворова	48
Нѣмецкій автографъ Суворова	64

Печатные труды того же автора:

1. «ИЗСЛѢДОВАНИЕ БОЯ; ИЗСЛѢДОВАНИЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СВОЙСТВЪ ЧЕЛОВѢКА КАКЪ БОЙЦА». Спб. 1907 г. Диссертация на званіе экстраординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи — 192 стр. и 11 чертежей.
2. «ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА». Спб. 1910 г. Изд. Императорской Николаевской Военной Академіи. Диссертация на званіе ординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи. 234 стр. и два чертежа.
3. «ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА». Спб. 1912 годъ. 126 стр. и одинъ чертежъ.
4. «ВВЕДЕНИЕ ВЪ КУРСЪ ТАКТИКИ». Спб. 1912 г. 1-ое и 2-ое издание Общества ревнителей военныхъ знаний; напечатано по указанію Почетнаго Президента этого Общества Великаго Князя Николая Николаевича. 38 стр.
5. «СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА; ОПЕРАТИВНАЯ СЛУЖБА». Изд. Императорской Николаевской Военной Академіи. Спб. 1912 г. 171 стр. и 4 чертежа.
6. ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ ПРИКЛАДНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНІЯ ТАКТИКЪ НА МЛАДШЕМЪ КУРСѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ» Спб. 1912 годъ, 170 стр.
7. «СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ЛЕКЦІЙ». Спб. 1913 годъ. 180 стр.
8. «СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА; РАЗВѢДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА». Издано безъ разрѣшенія автора. Кіевъ, Военный Журналь. 1918 годъ.

9. «АВІАЦІЯ ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ И ВЪ БУДУЩУЮ». 1922 г. Помѣщено въ № 2 Военнаго Сборника *); отдѣльное изданіе распродано. 22 стр.
10. «СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА И КРАСНАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА». 1923 г. Помѣщено въ № 3 Военнаго Сборника; отдѣльное изданіе распродано. 22 стр.
11. «РАЗВИТІЕ ОСНОВНЫХЪ ИДЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ТАКТИКИ (ДО-ВОЕННЫЯ ДОКТРИНЫ; КАМПАНИИ 1914 и 1915 г. г.)». 1924 г. Помѣщено въ № 5 Военнаго Сборника; отдѣльное изданіе распродано. 43 стр. и 3 чертежа.
12. «ТИХООКЕАНСКАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ XX СТОЛѢТІИ». Прага, 1924 годъ, изд. «Пламя»**) 292 стр. и 6 чертежей.
13. «ТАНКИ ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ И ВЪ БУДУЩУЮ». Прага, 1925 годъ. Изд. «Пламя», 122 стр., 7 чертежей и 15 рисунковъ.
14. «СОВРЕМЕННАЯ КОННИЦА». Помѣщено въ №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, Военнаго Сборника; отдѣльное изданіе распродано.
15. «ТАКТИКА ВЪ ЗАДАЧАХЪ; АТАКА УКРѢПЛЕННОЙ ПОЗИЦИИ». Берлинъ, 1925 г. Изд. «Градъ Китежъ»***), 126 стр. и 9 чертежей.
16. «ИЗЪ ИСТОРИИ КАМПАНИИ 1914 ГОДА НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ; НАЧАЛО ВОЙНЫ И ОПЕРАЦИИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ». Прага, 1925 г. Изд. «Пламя». 436 стр. и 14 чертежей.
17. «МЫСЛИ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ БУДУЩЕЙ РОССІЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ». 1925 годъ 408 стр. и 2 чертежа. Изд. автора. Первое и второе изданіе распроданы. Нынѣ пе-

*) Редакція Военнаго Сборника: 28, Кр. Томислава. Бѣлградъ.

**) Изд. «Пламя» — Јесна 32, Praha II. Чехословакия.

***) Изд. «Градъ Китежъ»: Kleistrasse 21, Berlin, w. 62.

чатается третье издание выпусками. Первый выпускъ—«Общія основанія»—имѣется въ продажѣ на складѣ изд. «Родникъ» *). Цѣна—12 франковъ. 96 стр.

18. «ИЗЪ ИСТОРИИ КАМПАНИИ 1914 ГОДА НА РУССКОМЪ ФРОНТѢ; ГАЛИЦІЙСКАЯ БИТВА (первый періодъ — до 1-го сентября новаго стиля)». Парижъ, изд. «Родникъ» *). 1930 г. 557 стр. съ приложеніемъ картъ и схемъ на отдѣльныхъ листахъ.

НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ

На англійскомъ языкѣ:

- «ARTICLES OF MODERN CAVALRY» — The Cavalry Journal: October 1920; April, July and October 1921; January, April and October 1922; January, April, July 1923; April 1927.
- «THE PROBLEM OF THE PACIFIC IN THE TWENTIETH CENTURY». London, 1922. Editor: Gyldendal. New-York, 1922. Editor: Charles Scribner. 256 pp. with 6 maps.
- «THE GREAT BATTLE OF GALICIA (1914). A STUDY IN STRATEGY». Published in «The Slavonic Review». Vol. V №. 13, June 1926. 23 p. p. with 3 sch.

На французскомъ языкѣ.

- «LA MOBILISATION GENERALE RUSSE A-T-ELLE ETE LA CAUSE DE LA GUERRE ?». — Le Monde Slave. №. 1 — Janvier 1929. 25 pages.
- «LA PUISSANCE MILITAIRE DE LA RUSSIE EN 1914» Le Monde Slave №2—Fevrier, 1929. 25 pages.
- «LE PLAN DE GUERRE RUSSE EN 1914». — Le Monde Slave. №. 3 — Mars, 1929.
- «LA BATAILLE DE GALICIE EN 1914». — Deux Conférences faites à l'Ecole Supérieure de Guerre. Paris 1929. Edité par l'Ecole Supérieure de Guerre. 48 p. p. et 11 croquis.

*) Складъ изданія: «Родникъ» («La Source»). 106 rue de la Tour, Paris XVI.

На Испанскомъ языкъ:

«LA HISTORIA DE LA CAMPANA DE 1914 EN FRENTE RUCO». El Principio de la Guerra y las Operaciones en Prusia Oriental. — Buenos Aires, 1928. — Deux volumes: Vol. I — 238 p.p. vol. II — 290 p.p. — Traduit et édité par la «Biblioteca del Oficial».

На болгарскомъ языкъ:

«ТАНКОВЕ». Перевел от оригинала Поручикъ Л. Паспалеев, София; 66 стр. 7 чертежей и 15 рисунковъ.

«СЪВРЕМЕННАТА КОННИЦА». Сборник от статии. С разрешение на автора перевод под редакцията на Ив. Стойчев. София, 1926 г. 256 стр. и 36 чертежей.

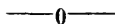
«СТРАТЕГИЧЕСКИ ОЧЕРК НА ГОЛЕМОТО СРАЖЕНИЕ В ГАЛИЦИЯ ПРЕЗ 1914 Г.» 24 стр. и 3 схеми.

«ОЩЕ ДОКУМЕНТИ НА КОННИЯ БОЙ ПРИ С. ВОЛЧКОВЦЕ НА 8 (21) АВГУСТ 1914 г.» — Писма на Новогородскитъ драгуни. — 39 стр. и 3 схеми.

На сербскомъ языкъ:

«АВИАЦИЈА У ПРОШЛОМЪ И БУДУЩЕМЪ РАТУ». Помѣщено въ журналъ «Ратникъ». Свеска III Година XXXIX, Мартъ 1923 годъ. Београдъ. 20 стр.

«О УСТРОЙСТВУ БУДУЩЕ РУССКО ПЕШАДИЕ». Помѣщено въ «Пешадиски Гласникъ». Свеска I, Година V, Сараево, 1926 г. 15 стр.

ИЗДАНИЯ

THE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA AT CHAPEL HILL

А. Амфитеатровъ. Э
В. Гурко. Царь и Ц
Бор. Зайцевъ. Стра
Дѣло Б. Коверды . .
В. Корчемный. Чел
Д. Крачковскій. Изб
А. Куприянъ. Храбр
И. Лукашъ. Дворц
» Пожар
Д. Мережковскій. Ме
И. Муратовъ. Маги
» Геро

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

В. Новиковъ. Фаши
Ген. П. А. Половцов
Н. Рощинъ. Горнее
Бор. Суворинъ. Фав
Илья Сургучевъ. Эм
Вл. Ходасевичъ. Со
Евг. Чириковъ. Мой
» Дѣви
» Меж

U55

.S8

G64

Ив. Шмелевъ. Солнце мертвыхъ	15.—
» Человѣкъ изъ ресторана	15 —
» Степное чудо	8.—
» «Мэри»	15.—
» Исторія любовная	25.—
А. Яблоновскій. Дѣти улицы	15.—

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

ÉDITIONS ET LIBRAIRIE

LA RENAISSANCE

(Vozrojdenie)

2, Rue de Sèze, 2—Paris (IX)

Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

